

Илья Шамигин

В начале было трое

Ироническая
шпионская фантастика

Илья Тамигин

**В начале было трое. Ироническая
шпионская фантастика**

«Издательские решения»

Тамигин И.

В начале было трое. Ироническая шпионская фантастика /
И. Тамигин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900706-3

Трое советских людей, обладающих сверхъестественными способностями, спонтанно, без ведома Кого Надо, объединились в Коллективный Разум, способный даже ликвидировать готовый столкнуться с Землей огромный астероид. Такое превосходство США не могут стерпеть! Агентесса ЦРУ пытается сломать Тройку, лишив силы одного из участников с помощью гнусно-изошренного колдовства. Но наши brave чекисты начеку, хотя колдовство им и мешает. Скорее найти Тройку и предупредить о покушении! Счёт идет на минуты!

ISBN 978-5-44-900706-3

© Тамигин И.
© Издательские решения

Содержание

От Автора	6
Вместо вступления	7
Часть первая: Пенсионер	8
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	13
Глава четвертая	16
Глава пятая	18
Глава шестая	21
Глава седьмая	23
Глава восьмая	25
Глава девятая	28
Часть вторая: Медсестра	30
Глава первая	30
Глава вторая	35
Глава третья	37
Глава четвертая	39
Глава пятая	41
Глава шестая	45
Глава седьмая	49
Часть третья: Боец	55
Глава первая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

В начале было трое Ироническая шпионская фантастика

Илья Тамигин

Three is a crowd. (Трое – уже толпа.)
Английская поговорка

Посвящается моей жене Наташе

© Илья Тамигин, 2017

ISBN 978-5-4490-0706-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От Автора

Все персонажи, адреса и явки, шпионские устройства, названия и события, а также синий цвет вымышлены Автором. Все имена изменены. Если кто усмотрит случайное сходство кого-то с собой или кем-то из друзей... Ну, что ж, пусть завидует!

Вместо вступления

Я все чаще захожу сюда, в этот странный кабачок, где собираются персонажи, мои и чужие. Точнее, закрываю глаза – и я уже тут. Я не знаю, где это, но, наверное, рядом с тем местом, где поселились Булгаковские Мастер и Маргарита. Во всяком случае, хозяин утверждает, что они заходят иногда. Здесь очень уютно. В камине всегда пылает огонь, а из кухни доносятся запахи блюд всех эпох и народов. Сидя за столиком в углу, я слушаю истории вымышленных мной персонажей. Потом записываю их: то гусиным пером на пергаменте, то острой палочкой на мягкой глине. В моих произведениях нет ни капли вранья, только правда и немного кристально чистого вымысла. Фамилии, города, адреса и явки, а также синий цвет – все придумано мной!

Мои персонажи... Я их очень люблю. Простые и сложные, хорошие и не очень, живущие на страницах моих книг, и приходящие сюда время от времени, чтобы рассказать мне очередную историю. Иногда они выходят из-под контроля, делают, что хотят и что попало, и мне приходится следовать за ними, иногда даже в ущерб логике повествования.

От некоторых посетителей кабачка интригующе пахнет морем, порохом, кожей и лошадьми, но это – не мои. Эти из книг Дюма, Джэка Лондона, Александра Бушкова. Я пишу про эпоху семидесятых и мои персонажи, естественно, тоже оттуда. Спросите, почему семидесятые? Да потому, что, выражаясь словами во-он того дядьки из какого-то фильма, через два столика от меня: «Я тогда был молодой и красивый. А теперь я только красивый». Я хорошо все помню, как тогда было.

Жена моя, прекрасная Беатриче, (в другой реальности её зовут иначе, но здесь – только Беатриче!) иногда заходит проверить, не шалю ли я, и уводит меня домой, если я напиваюсь и начинаю петь неприличные песни. Особенно не любит она, когда я сижу в компании Портоса, как сейчас. Ей кажется, что барон дю Валлон де Брасье де Пьерфон плохо на меня влияет. Выражаясь новым русским языком: типа, спаивает конкретно! ... У хозяина, кстати, не переводится отличное бургундское, рекомендую! И подают его о-очень симпатичные официанточки! Комсомолки, спортсменки... просто красавицы! ... По-моему, Беатриче немножко ревнует меня к моим женским персонажам, хотя, клянусь Пишущей Машинкой, у меня никогда ничего с ними не было... почти.

А сегодня что-то маловато посетителей! Ах, да... Понедельник, потому что! Что ж, Читатель, вот очередная история. Сейчас... отхлебну сперва из кружки, чтобы не дать себе засохнуть!

Часть первая: Пенсионер

Глава первая

Пенсионер дядя Яша был человеком увлекающимся, если не сказать азартным. Собира́л монеты. Коллекция у него была не то, чтобы большая, но и не маленькая. Два – три раза в неделю он ходил в клуб этих... как их... нумизматов. Интересовали его, как патриота, монеты русские, и кое-что интересное осело за много лет в его альбомах (не знаю, правильно ли я выразился, может, это по-другому называется. Кляссеры, это ведь, для марок?). Были у него и каталоги. Два. Один – изданный в СССР, другой – зарубежный, на немецком языке, привезенный аж из самой Швейцарии соседом по лестничной площадке Вивравенаном Харитоновым, работавшем шофером в посольстве (Вивравенаном его назвал папа – инструктор райкома ВЛКСМ. Расшифровывается – ВИхри ВРАждебные ВЕют НАд Нами. Впрочем, он охотно откликался на имя Веня). Дядя Яша долго улещивал его, поил водкой под домашние грибки с жареной картошкой, хотя сам водку не любил. Каталог был сильно нужен! Веня был не прочь оказать соседу любезность, но все упиралось в валюту. В середине семидесятых за валюту было очень строго. Ни-ни! Тюрьма, да! Ещё и с конфискацией! Да и негде купить швейцарские франки, редкие оне в Союзе.

– Пойми, Петрович, ну, не могу я на свои купить и тебе привезти! Там каждый сантим на счету, всё тратим, чтобы что-нибудь себе привести, в комиссионку сдать. А драть с тебя советскими совесть не позволяет.

– Сколько же он стоит франками, слушай, Веня?

– Да уж франков сто... или больше. Только ты на курс газеты «Известия» не смотри, там за сто франков можно такое купить, что здесь за тыщу с руками оторвут.

Гениальная мысль осветила вдруг дяди Яшин мозг лучом утреннего солнца в темном царстве: а если наоборот?

– Во, слушай, я тебе фотоаппарат дам! «Зенит 3М» с объективом «Юпитер». Если его там... тово... то хватит, наверное?

– Хватит за глаза, еще, может и останется немножко...

Веня лукавил. За такой фотоаппарат в Женеве можно было купить два каталога.

– Ну! Вот и договорились! А что останется, слушай, возьми себе за хлопоты!

Вивравенан поломался ещё немного для важности и согласился. Так у дяди Яши появился авторитетный каталог, которым он, по доброте душевной, позволял пользоваться всем, кто попросит. Впрочем, только из своих рук.

В клубе его уважали и просили частенько быть третейским судьёй в спорах.

– Пойми ты, слушай! – говорил он здоровенному Немцову, оперному певцу, потрясая каталогом и задирая голову (сам дядя Яша был маленького роста), – Видишь, здесь написано: ди гроссе... В общем, большой ценности монета, слушай! Значит, меньше чем за пять полтин Алексея Михалыча отдавать нельзя! А Петька тебе сколько сулит? Три?

И Петька соглашался и давал пять серебряных полтин.

Ещё был у дяди Яши Кактус с большой буквы Кэ. Этакий колючий и похожий на спущенный футбольный мяч, серо-зелёный комок в горшке. Ходил с ним гулять, рассказывал ему (кактусу) всякие истории, купал, удобрял по часам. Воспитывал его Яков Петрович уже десять лет, беззаветно веря в чудодейственные свойства сына пустыни в смысле повышения потенции. То-есть, с потенцией, несмотря на возраст (уже стукнуло пятьдесят семь), у дяди Яши все было в порядке, но ведь запас карман не тянет! Периодически срезал он маникюрными нож-

ницами несколько иголок, настаивал их на спирту и принимал по пять капель. Из-за этого ли, не знаю, только Шура, его жена с тридцатилетним стажем, иногда (не без гордости!) жаловалась подругам:

– Совсем замучил, неумный-ненасытный! Ведь каждую же ночь, а то и два захода! А, бывает, ещё и днем пристаёт! А я-то, уж не молоденькая, столько выносить!

– Так, не давайся, касатка! Передох себе устраивай! – советовала Лизавета, соседка, жутко завидуя.

– Да, как не дать-то? У него ж семя из ушей польется, а молодых-то баб бесстыжих кругом полно! Враз на сладкое слетятся! Не-е, уж лучше, потерплю.

Шура была моложе мужа на семь лет – высокая, статная, дородная и моложавая тетка со свежей кожей и румянцем во всю щеку. Происходила она из города Саратова, славящегося девичьей красотой. Там, кстати, и увидел её бравый, увешанный медалями и орденами, капитан-лётчик. В сорок шестом году.

Шура была в белом платье и фате, ждала в садике, когда приедет за ней жених, и столы уже были накрыты, и гости собрались. Мимо шел Яков. На вокзал, отбывать к новому месту службы. Увидев Шурочку, остановился, бросил чемодан, встал на одно колено, прижал руку к сердцу и сказал громко, так, что все услышали:

– Девушка! Вы – моя судьба! Я Вас во сне много лет вижу! Выходите за меня! Сейчас, слушай!

Шура обомлела. Гости и родственники тоже.

– Но я уже... просватана... за Васю... – пролепетала девушка растеряно.

Тут глаза их встретились. Синие Шурины и карие Яшины. Любовь нечаянно нагрянула, как и предупреждал артист Леонид Утесов!

Сверкнула молния. (Очевидцы утверждали после, что и гром громыхнул, и озоном запахло!). Шура упала в объятия капитана Якова Петровича Соколова. Быстро поцеловав её колкими усами, он, держа её на руках, поднялся и вышел на середину улицы. Кто-то из гостей, не разобравшись, в чем дело, запел свадебную неприличную частушку, но его оборвали. Заскрипели тормоза блестящего трофейного оппель-адмирала – это приехал жених Василий с друзьями.

– Это... Чево? Эй, не балуй, поставь девку на место!

Василий, угрожающе надвинувшись, протянул могучие руки. Был он на полторы головы выше Яши, и вдвое шире в плечах.

Бравый капитан поставил Шурочку на асфальт и заслонил её собой.

Выхватил пистолет.

– Любого, кто встанет между мной и моей женщиной – застрелю, слушай, на... насмерть! – отдельно и громко проговорил он и пальнул в воздух.

Все отшатнулись. Василий увял. Пленные немцы, работавшие неподалеку, залегли. Усадив невесту в оппель, Яков сел за руль и поехал в ЗАГС, где их и расписали. На выходе их уже ждал патруль. Поздравив молодых, патруль, тем не менее, арестовал Яшу. За стрельбу и угон машины дали десять суток гауптвахты (меньше было нельзя, объяснял потом военком). Гости – раз уж собрались! – отгуляли свадьбу без него, но рядом с невестой на столе стояла Яшина фотография, которую нашли в его брошенном чемодане. Все косились уважительно.

Шура навещала мужа каждый день, кормила пирогами и фруктами. А после отсидки молодожены поехали в Москву, куда им определили служить. Яша за свой счет откупил целое купе, чтоб никто не мешал их счастью. И целую ночь... ну, вы понимаете! Проводница утром принесла им чаю.

– Всю ночь боялась, что вагон с рельсов сойдет, так качало! – шутливо пропела она.

Шура покраснела.

Историю эту и сейчас помнят старожилы улицы Чернышевского.

И пел дядя Яша замечательно, проникновенно, особенно романсы, сопровождая себя на старенькой семиструнной гитаре. Голоса у него не было, но ведь не было голоса и у Утесова, или, скажем, Вертинского! Но был слух, и, главное – душа!

Выступал регулярно в любительских концертах на сцене Дома Культуры, срывая бурные продолжительные аплодисменты. Шура (на всякий случай!) каждый раз ходила на эти концерты, зорко приглядывалась к теткам, дарившим мужу букеты, и следила, чтоб они не шастали к нему за кулисы.

Дядя Яша играл на гитаре хорошо. Мог даже сложные пьесы по нотам исполнять, не только аккомпанемент. Жалел, что война не позволила ему получить музыкальное образование. До всего пришлось доходить самоучкой.

Подрабатывал подполковник запаса, летчик-истребитель Яков Петрович в авиамодельном кружке при Доме Пионеров. На полставки. Дети его любили и достигали отличных результатов на соревнованиях.

Однажды кружок удостоил посещением первый секретарь райкома КПСС. Походив по помещению, он остановился перед моделью американского бомбера В-29. Потрогал пальчиком.

– Что это Вы, Яков Петрович, вражеский самолёт... этта... экспонируете? Нехорошо!

– Так это он сейчас вражеский, а был-то, союзнический! Мне и самому пришлось на нем полетать однажды!

– ???!!!

– В сорок пятом наш полк на Дальнем Востоке развернули. Глушь, до ближайшего человеческого жилья – десятки километров. И однажды плюхается к нам американец! Как раз такой вот, В-29! От японских истребителей удирал и сбился с курса. Ну, увидел, что до Окинавы не дотянуть, и пошел на материк. По счастью, у нас уже бетонная ВПП была. Сел американец – целёхонкий, ни царапины! Командир сразу доложил, куда надо. Пока начальство думало и в Ставку докладывало, американцев накормили... и напоили. В дрова! И поступает приказ: союзников срочно доставить в Москву, самолёт перегнать в город Н-ск. Комполка загорюнился: самолет кому пилотировать? Никто из всего полка и рядом с бомберами не стоял. Я и вызвался! Так, мол, и так, разрешите мне выполнить полет! За час берусь разобраться с машиной! Командир прикинул свою незабудку к носу и согласился, ибо в приказе было сказано: «срочно»! Сам, говорит, за штурмана сяду, а начальник штаба раньше бортинженером был, значит, за бортинженера и поработает! Ибо, если не долетим, то приказ не выполним, и так или иначе, всем нам кирдык!

Вторым пилотом Коля Чернов, командир второй эскадрильи, вызвался. Залезли мы в ероплан, за час разобрались, как смогли. Перекрестились украдкой и полетели на авось. И ведь, долетели! Мне за этот перелет Красную Звезду дали, а комполка – Звезду Героя.

– Вот это да-а! – восхищенно протянул первый секретарь райкома, который всю войну прослужил начальником продовольственного склада, но всем говорил, многозначительно двигая бровями, что место его службы разглашению не подлежит. До сих пор!

Дядя Яша не знал, что заблудившийся бомбардировщик ВВС США никогда не был возвращен законным владельцам.

Когда Лаврентий Павлович доложил товарищу Сталину о вынужденной посадке американцев, тот, подумав, усмехнулся:

– Жаль, что такой хороший самолет в болоте утонул! И экипаж спяну не помнит, где именно! Но, за мужество их надо наградить! А пока отвезти в Москву, в посольство.

Лаврентий Палыч мысль вождя уловил на лету. Был отдан приказ: бомбер перегнать в секретное место, экипаж, напоив до бесчувствия, отправить в Москву.

Самолет потом разобрали по винтикам, пытались построить такой же, только не получилось...

*...Да, Портос, я уже видел Ваши боевые ирамы. А у меня только от аппендицита.
... Налейте-ка, выпьем за героев, живых и павших!*

Глава вторая

– Яша! Сходи за хлебом! И яиц купи по рупь тридцать!

Дядя Яша поднял голову от пюпитра – он разучивал новую вещь.

– А что, наш сын не может?

– Не может, к зачету с Оленькой готовится!

Яков Петрович положил гитару, встал и направился в прихожую одеваться. Перед дверью в комнату сына притормозился, прислушался. Сквозь магнитофонную музыку отчетливо доносились чмоки поцелуев и сдавленный голос Олечки, однокурсницы сына:

– Осторожнее! Чулки не порви!

Ухмыльнувшись одобрительно, оделся и пошел в гастроном на углу.

Отстояв очередь за яйцами и купив хлеба, вышел на крыльцо. Стоял март, днем все таяло, но к вечеру опять подмораживало. Держа в одной руке кулёк с яйцами, а в другой – авоську с хлебом, дядя Яша сделал шаг и... Ноги его разъехались, левая нелепо подвернулась. Пытаясь удержать равновесие, он взмахнул авоськой, но тщетно: падение завершилось, что-то захрустело, боль в щиколотке прострелила до самых зубов, затылок совместился с чем-то твердым... и наступила темнота.

Скорая приехала быстро.

Дядя Яша уже очнулся, но его мутило, как с похмелья, и ногой двинуть было больно. Доктор в белом халате наклонился над ним:

– Что болит-то, а?

– Голова... И нога... А яйца, яйца целы? – пробормотал дядя Яша слабым голосом.

– Яйца?! Г-м, сейчас посмотрим...

– Да не эти...

– А, куриные! ... Только три штуки разбились! А очередь большая за ними? ... Сейчас мы Вас в больницу: перелом лодыжки и сотрясение мозга.

Так наш герой попал в травму.

*...Нет, Портос, водка – это не то, что коньяк. Разве Вы не пили её в 1812 году в Москве?
...Ах, да, это было после Вас... Ну, ничего, наверстаем пробел в Вашем образовании... Человек!
Два раза по сто грамм водки!*

Глава третья

Когда дядю Яшу вкатили на каталке в палату, семь глаз уставились на него с интересом и любопытством.

– Вот, принимайте пополнение! – гордо заявила санитарка Люба, помогая новичку перелезть на койку.

Потом погладила его по голове и ушла. Людей она любила, а мужчин – особенно.

Дядя Яша, неловко путаясь в пижаме не по размеру, сложил в тумбочку уцелевшие яйца, хлеб и папиросы.

– Разрешите представиться! – кривовато улыбнулся он (голова ещё побаливала), – Яков Петрович Соколов, сотрясение мозгов средней тяжести и закрытый перелом лодыжки.

Все по очереди отрекомендовались, но имена дядя Яша с первого раза не запомнил. Из четырех сопалатников один был парнишка лет семнадцати со сломанной рукой на «самолете», двое мужчин лет тридцати пяти – оба с гипсом на ногах, и дедуля лет восьмидесяти, с пиратской повязкой через левый глаз.

– А что, Яков Петрович, в преферанс играешь? – с надеждой спросил назвавшийся Александром, с гипсом на правой ноге, – А то мы третьего никак найти не можем!

– Играю, конечно! – ответил дядя Яша, – Только не сегодня, голова ещё не тово.

– Ура! – воскликнул одноглазый дед, назвавшийся Олегом Михайловичем, – Значит, завтра пулю распишем!

Он готовился к плановой операции, но дядя Яша не понял, что именно будут отрезать.

– А как насчет...? – щелкнул по горлу третий из взрослых, таксист Иван.

– Нет, не увлекаюсь я этим.

Тот помрачнел:

– Опять, значить, по всему отделению партнеров искать!

А юноша Кирюша ничего не сказал – он читал книгу братьев Стругацких.

Поговорили на всякие темы. Дяде Яше объяснили, что больница эта – клиническая, а значит, будут его изучать студенты. И студентки, среди которых много о-очень симпатичных! Спортсменки, комсомолки, красавицы, да!

Не успели мужчины со вкусом закончить обсуждение этой неисчерпаемой темы, как дверь открылась, и в палату вошла прям-таки этуаль, в туго подпоясанном по осиной талии белом хрустящем халатике. Ей было лет восемнадцать. В изящной ручке она держала жалом кверху шприц на двадцать кубиков, то-есть большой.

– Соколов кто? – спросила она деловито, но видно было, что волнуется отчаянно, и укол собирается делать первый раз в жизни.

Все молча указали на дядю Яшу.

– Обнажите мускулюс глютеус, больной! Я введу Вам внутримышечно магнезию!

– В глютеус не дамся! – быстро ответил дядя Яша, и прикрыл руками пах, – Коли, дочка, в задницу лучше!

Сопалатники весело захихикали. Студенточка покраснела, рука у нее дрогнула, и игла вонзилась в напрягшуюся ягодницу только с третьей попытки. Дядя Яша все это перенес мужественно.

На другой день с утра его навестила Шура, которой он позвонил с вечера. Поохала, принесла домашнего пирога, также беломору и чаю. И баночку варенья. Яйца и хлеб забрала. Потом, после завтрака были процедуры и обход, а после обхода сели играть в преферанс. Все трое были примерно равны по силе, но дяде Яше везло, и он выиграл шестьдесят восемь копеек. Играли также после обеда и после ужина. Выигрыш возрос до двух рублей! Олег Михайлович лег спать, а дядя Яша уселся чаевничать с Александром, оказавшимся по профессии гитаристом.

стом, причем высочайшего класса. Играл на классической гитаре, знал и семиструнную, цыганскую. На этой почве они и сдружились.

Следующий день был несколько необычен: всех, кроме Якова Петровича обуяла тяга к творчеству.

Александр, достав из тумбочки нотную бумагу, сочинял что-то, мыча себе под нос. Кирюша рисовал по памяти портрет студенточки с тонкой талией – выходило очень похоже и слегка эротично. Пару раз попросил дядю Яшу очинить карандаш, так как сам одной рукой не справлялся. Олег Михайлович, конструктор, тоже что-то чертил и высчитывал на логарифмической линейке. Иван-таксист строил карточный домик, чего за ним отродясь не замечали. И не оторвать никого!

Преферанс не состоялся, и дяде Яше стало скучновато. Почитал немного, погулял, хоть на костылях и было очень неудобно. После тихого часа ушел в холл смотреть телевизор. Когда вернулся к ужину, вся палата все ещё творила не разгибая спины. Даже разговора душевного ни с кем не получалось до самого отбоя, пока сестра не погасила насильно свет!

Назавтра повторилось то же самое, с той лишь разницей, что Иван стал вырезать из дерева миниатюрную модель трехмачтового парусника, с целью размещения её в пустой бутылке из-под Столичной.

– В подарок, доктору! – объяснил он.

Кирюша закончил портрет практикантки, которую, как выяснилось, звали Юлечкой, и пошел дарить. Судя по его довольной физиономии по возвращении, и отпечатку губной помады на щеке, дарение прошло успешно. Он немедленно принялся за новый рисунок.

И так день за днем! Все четверо лихорадочно творили, дядя Яша скучал.

Александр писал пьесу за пьесой, и по вечерам исполнял их тихонько на гитаре, которую ему принесли друзья. Яков Петрович завистливо косился на инструмент: уж больно был звук замечательный, да и качество отделки.

Кирилл задарил персонал портретами и перешел на шаржи. Особенно смешно у него получился палатный доктор, Ашот Семенович, но тот не обиделся, а, наоборот, повесил шарж в ординаторской рядом с другими рисунками.

Иван строил уже второй парусник, на первый у него ушло всего шесть дней. Вылазки за спиртным были забыты.

Олег Михайлович за десять дней решил проблему, над которой, по его словам, бился его отдел уже два месяца. К нему каждый день приходили сотрудники, забирали его эскизы и расчеты, спорили, горячились, хлопали старика по плечу. Единственный глаз его сиял от счастья.

Шура и сын Алеша навещали через день. Шура приносила борщ и жареную картошку, пельмени. Рассказывала новости о соседях и родственниках.

Сын приносил новые книги, рассказывал об университете и жизни столицы. Также обязательно новые анекдоты, которые дядя Яша незамедлительно пересказывал в палате. Однажды Алеша пришел с Олечкой, объяснив, что собираются вечером на концерт певицы Аллы Пугачевой. Дяде Яше певица тоже нравилась: звучный, сильный голос, песни с отличной музыкой и словами, да и сама – красивая, рыженькая, веселая. Все считали её восходящей звездой эстрады. Олечка скромно отмалчивалась, но по тому, как она собственнически сжимала Алешкину руку, дядя Яша многое понял и одновременно загрустил и порадовался за сына. Наверное, женится скоро, и останутся они с Шурой одни. Олечку они одобряли: семья хорошая, тоже офицерская; единственная дочь, на рояли умеет и по французски знает. Шура по своим каналам выяснила, что Ольгина бабулька имеет однокомнатную в Кузьминках, но живет с сыном, а значит, молодым будет где жить, когда (ежели!) поженятся. Но сын пока насчет жениться помалкивал, да и то сказать – третий курс только.

На шестой день голова совсем прошла и, когда приехала Шура, дядя Яша отвел её в гардеробную, заранее выпросив ключи у сестры-хозяйки, которая ему симпатизировала. Смек-

нув, зачем туда её привели, Шура попыталась воспротивиться, мотивируя отказ отсутствием дивана или кушетки, да и вообще, дескать, неприлично, что люди скажут, но любящий муж пресек бунт на корабле крепким, как портвейн «Агдам», поцелуем, объяснив непонятливой жене, что они прекрасно устроятся и на стуле, а люди, если что и скажут, то только хорошее!

Томно вздыхая, Шура стащила длинные байковые панталоны, обнажив сливочные бедра, и, млея от предстоящего, уселась к любимому мужу на колени. В течение почти часа старенький стул скрипел отчаянно, но геройски выдержал натиск.

«Каждый раз – как первый раз! А ведь тридцать лет... уже!» – думала счастливая Шура, приводя себя в порядок.

Пообнимавшись ещё немного, супруги оторвались друг от друга, и дядя Яша проводил жену до выхода под внимательными восхищенными взглядами медсестер. Доктор Ашот Семенович покрутил головой и восторженно шепнул зашедшему в ординаторскую рентгенологу Саше:

– Орёл мужик! И фамилия правильная – Соколов, да!

Тот уважительно хмыкнул. С тех пор это повторялось каждое Шурино посещение и дядя Яша снискал среди персонала славу полового гиганта.

Наконец, настала пора выписки. Накануне дядя Яша устроил палате отвальную, выставив пирог с мясом, винегрет с селедкой и два пузырька белого болгарского вермута. Гульнули на славу, но тихо, чтоб не беспокоить соседей и персонал. Иван подарил очередную модель парусника в бутылке, Кирюша – очень удачный шарж: дядя Яша был изображен гордо сидящим на толчке в позе Большого Орла (и похож был на орла!) с лицом вдохновенным, но напряженным. Так обыгрывалась фамилия «Соколов»! Александр подарил специально сочиненный для семиструнной гитары этюд. Пиратообразный Олег Михайлович подарил скоммунизженный в родном НИИ пузырек спецклея, который клеил всё. Обменялись адресами и телефонами.

Наутро, сложив вещички в авоську, дождался Шуры, которая приехала с соседом Вивравенаном забирать его на машине (нога все ещё была в гипсе!). Душевно попрощался с доктором (армянский коньячок, пять звездочек!) и медсестрами (большой шоколадный торт!) и, привычно уже постукивая костылями, покинул больницу.

...Десятка пик! Валет пик! Девятка червей! Двадцать одно! Я выиграл, барон! Вы ставили на кон два щелбана, подставляйте лоб, сударь!

Глава четвертая

Весна за время отлеживания в больнице развернулась во-всю! Кое-где на газонах ещё лежали кучи грязного снега, но дороги и тротуары уже очистились.

Солнышко светило старательно, обещая скорое лето. Вивравенан-Веня, находившийся в очередном отпуске, вел Жигуль не переставая оживленно болтать. Между нами говоря, он предвкушал мзду за свою помощь. В смысле, выпить и закусить. Сам он был скуповат и на угощение тратился неохотно.

– Представляешь, Петрович, ихний швейцарский франк размером и весом в точности, как наш юбилейный рупь с Ильичом!

– Ну-у! И что?

– А то! Автоматы такой рупь принимают без сомнения! И сигареты можно купить, и пиво в баночках, и зажигалку, да мало ли! Экономия-то какая! Жаль, много монет не провезешь, больше тридцати рублей советскими вообще нельзя провозить... У тебя дома нет ли? А то скоро мне обратно ехать!

– Посмотрю, Веня. Несколько штук вроде было... у Алёшки. Он когда сегодня дома, а, Шур?

– Не знаю, Яша. Я его вчера не видела, рано спать легла, и сегодня тоже. Даже не сказала, что тебя сегодня выписывают. Вот сюрприз ему будет!

Сюрприз, действительно, получился что надо!

Когда все трое вошли в квартиру (Веня нес вещи), то глазам их предстало следующее зрелище: в зале, расположившись на ковре, Алеша и Олечка, обильно покрытые взбитыми сливками, увлеченно облизывали друг-друга. Орал магнитофон, поэтому приход родителей и соседа был ими замечен не сразу.

«А ведь в этом что-то есть!» – практически подумал дядя Яша.

«Не могли заявиться хотя бы через минуту!» – с досадой подумал Алёша, прерывая своё приятное занятие.

«Ой, предки! Ну, да стыд не дым, глаза не выест! Зато теперь точно женится!» – подумала торжествующе Олечка, осторожно выпуская из ладошки раскаленный едва не до бела, готовый вот-вот взорваться Алешкин... э-э... прибор.

«Во, блин, ваще-е!» – подумал Веня.

«Ой, ну как она лежит! Ребенку же неудобно!» – подумала Шура огорченно. (Все, как в старом анекдоте! Только, откуда анекдоты берутся? Из жизни, Читатель!)

Всеобщее замешательство длилось недолго. Взрослые деликатно вышли на кухню, молодежь кинулась в ванную. Все сделали вид, что ничего такого не произошло. И впрямь, ведь, ничего такого! Не так ли, Читатель? Дело-то молодое!

Немного погодя, когда всё устаканилось, стали собираться обедать и отмечать дяди Яшино возвращение. Олечка стеснялась и хотела уйти, но Шура поймала её в коридоре, крепко обняла и поцеловала.

– Поможешь на стол накрыть... дочка! – ласково предложила она девушке.

Та прижалась к возможной свекрови и еле слышно прошептала:

– Я его так люблю, Алёшу! Он такой красивый... на Вас похож!

Шурино сердце было окончательно покорено!

За обедом распили бутылочку Столичной и воздали должное щедрому Шуриному угощению.

Опосля пили чай с плюшками и разговаривали на всякие темы.

Алеша отыскал и отдал Вене шесть юбилейных рублей, чему тот был чрезвычайно рад. Пообещал привезти парню из Женевы сувенир.

Немного погодя Олечка засобиравалась домой, Алеша пошел её провожать. Веня, осознав, что все выпито и съедено, тоже ушел к себе.

– Скоро гипс-то снимут, Яша? – поинтересовалась Шура, вернувшись в комнату халате.

– Да, дней через десять, в поликлинике. А что?

– Я подумала, в постели тебе с гипсом неудобно будет...

Дядя Яша воспринял это заявление как намек и вызов, и на одной ноге запрыгал за кокетливо визжащей женой, у которой под халатом ничего не было.

За окном сгущались сумерки, зажглись фонари и неоновый лозунг над домом напротив: «Народ и Партия е...!». Остальные буквы не светились, но содержание надписи угадывалось. Позвякивал трамвай, прогудела вдали электричка. Обычный московский вечер...

...Куда там! Не в пример лучшие толедских клинков наши, златоустовские! ...Ну, и что Вы доказали, разрубив стол, месье?

Глава пятая

Дел за время отсутствия накопилось много. Отзавтракав, дядя Яша поехал в центр, где у него была назначена встреча с метростроевцем Николаем. Звоня накануне, тот намекал на кое-что интересное, свежевыкопанное, но, будучи прирожденным конспиратором, напрямую не говорил. Встречу назначил в пивной у Киевского вокзала.

Войдя в пивняк, дядя Яша увидел Николая за столиком в углу с полупустой кружкой и рыбьим скелетиком на обрывке газеты. Взяв четыре бутылки дорогого чешского, ибо разговор предстоял долгий, наш Петрович присоединился к нему.

– Привет, Микола!

– Здравствуй, Яков Петрович! Что с ногой-то? Не перелом?

– Сломал, ага! Да неважно... Пивка будешь? Только воблы у меня нет.

– Счас организуем! – Николай поднял руку и щелкнул пальцами.

Подошел мужичок в рваной телогрейке.

– Рыбки желаете? – сипло спросил он и открыл кошелку, показывая товар.

Это была не вобла, а так, вяленая плотва и окуньки. Впрочем, неплохого качества.

– Сам, что ль, ловил? – поинтересовался дядя Яша, выбирая рыбешек покрупнее.

– Угу, – подтвердил мужичок, деликатно сморкаясь на и без того грязный пол, – Жить-то, надо! А у меня семья большая, и сам я пьющий...

– И почему нынче эта фауна?

– Рупь за пару, пять штук на два рубля. А ратаны – пять штук на рупь!

– Не, ратанов не надо! – дядя Яша протянул ему два рубля за пять плотвиц.

– Спасибо, товарищ подполковник! Я всегда здесь поблизости, если что!

– Ты что, знаешь меня? – удивился наш герой.

– Так ведь видно, что военный, хоть и в штатском. Не в бобрах, лицо боевое, значит – академиев не кончал! Значит, подполковником в запас ушел!

Дядя Яша только поморгал удивленно от такой прозорливости.

Отпили пива, расчленили рыбку. Ритуально поджарили на спичке плавательный пузырь. Закурили.

– Ну, показывай? – вопросительно кивнул расшифрованный подполковник Николаю.

Тот, не спеша, хлебнул долгий глоток, и вынул из кармана пальто коробочку из-под монпансье. Там лежало три серебряных советских рубля 1924 года и несколько полтинников. Состояние хорошее. Не раритет, но для обмена сгодится. Дядя Яша сделал равнодушное лицо.

– Не густо... Сколько, слушай, ежели советскими?

– Полсотни за все! – заговорщицки озираясь ответил Николай.

Цена была божеской. В клубе этот набор продан бы рублей за восемьдесят, но надо было поторговаться. Опять же, пиво и рыбки ведь были за дяди Яшин счет!

Глядя Николаю прямо в глаза, дядя Яша отхлебнул пива и прищурился. Это был его фирменный метод – тянуть паузу, заставляя противника нервничать. Николай заёрзал.

– Если все сразу и прямо сейчас, то пятерку сброшу!

Дядя Яша прищурился ещё сильнее.

– Ладно, за сорок отдам! Дешевле не могу!

Это устраивало гораздо больше, но надо было дожать противника и оставить за собой последнее слово.

– Слушай... Прибавить бы надо... – проворчал дядя Яша, вроде бы все ещё сомневаясь и ковыряя монету ногтем.

Поняв, что покупатель вот-вот расколется на деньги, метростроевец решил, что прибавить стоит.

– Во, ещё это там было, – и положил на стол глиняную трубку, из которых курили при Петре Первом траву Никоциану солдаты и чиновники помельче.

Трубка была совершенно неиспользованная и неповрежденная. При удаче её можно было сменить в клубе довольно выгодно. На стол с шелестом легли четыре десятки.

– Спасибо, Петрович!

– И тебе спасибо, Микола! Будет ещё – звони!

– Обязательно!

И они разошлись, довольные совершенным гешефтом.

...Как они могут предпочесть какую-то бурду из ячменя благородному напитку, вобравшему в себя свет Солнца и соки Матери-Земли, родившемуся из рубинового винограда, который деревенские девушки давят босыми ножками, высоко подоткнув подолы, обнажая крепкие бёдра, а, барон? ... Точно, это влияние Англичан.

Приехав домой, дядя Яша обнаружил жену ползающую на коленках по ковру над выкройками. Она любила шить и охотно брала заказы у друзей и знакомых. Увидав её оттопыренный, круглый, такой соблазнительный зад, дядя Яша немедленно воспылил страстью! Незаметно в кавычках подкравшись, он ухватил Шуру за талию двумя руками. Против всяких ожиданий, она воспротивилась:

– Не сейчас! – и толкнула локтем в мужний живот, – У меня прилив вдохновения, не обламывай!

Отвергнутый муж обомлел от изумления: впервые за тридцать лет супружеской жизни он получил отказ!

– Шура, – начал он, – как же так, слушай? У меня же уже все вооружение с предохранителя снято!

– Вот и поставь обратно на предохранитель свою пушку! Сказала – не сейчас! Ночью все получишь... два раза.

Поняв отчетливо, что жена не шутит, обескураженный дядя Яша проковылял на кухню. Обед не был готов! Тоже впервые за тридцать лет. Пришлось засучить рукава и готовить самому. Накрутил фарша, замесил тесто, раскатал и стал лепить пельмени. Через полтора часа сварил первую порцию, выглянул:

– Жена! Есть будешь? Обед, слушай!

– Нет, ешь без меня! Я занята... потом поем!

Дядя Яша снова удивился. Совместный обед был одним из семейных ритуалов! Но делать нечего, поел один... как на гауптвахте. Полил и причесал кактус. Потом ушел в спальню, до ужина читал. Уже программа «Время» началась, когда он вышел поставить чайник. Шура все ещё возилась с выкройками и эскизами.

– А где наш сын, слушай?

– У Олечки. Родители уехали на дачу, он и сорвался девочку охранять, а то ей одной страшно.

– Гы! Понятно! Ужинать-то будем?

– Не, я потом... сейчас не могу...

Досадливо хлопнув дверью, сделал себе пару бутербродов с любительской колбасой и российским сыром, ибо готовить что-либо более сложное не было энтузиазма. Чай тоже заваривать не стал – женил кипятком старую заварку. С расстройства налил и выпил стопку портвейна. Не помогло...

Оставалось сидеть и тарашиться в телевизор. Несколько развлек фильм про войну. Лётчики там выдавали такие перлы в смысле команд, что не захочешь, а обхохочешься. Самолеты взлетали как попало и закладывали немыслимые в реальности виражи. Фашисты не могли

попасть в цель с двух метров, как ни старались, советские же асы, принявшие перед боем свои фронтовые сто граммов, не промахивались никогда!

То, во что они попадали своими пулями, обязательно загоралось. Или взрывалось. Неважно, самолет, танк, паровоз или дом. Медсестры с красивыми модельными прическами, выбивающимися из под косынок (!), и длинными наманикюренными ногтями (!) цокали высокими каблучками изящных туфелек, спеша неумело перевязать раненых героев... И за весь фильм ни слова о Сталине!

«И снимают же такое! Хоть бы нас, фронтовиков, спросили, как оно на самом деле было, распроязви их, киношников, в окуляры! Чтоб им всю оставшуюся жизнь водку грязными носками занюхивать!» – подумал с горечью бывший истребитель, направляясь в спальню. Шуры в комнате не было. Из ванной доносился звук льющейся из душа воды. Вскоре жена скользнула под одеяло и прижалась к нему, нащупывая рукой полную боевую готовность мужа.

– Прости, Яшенька! Сама не знаю, что со мной сделалось... Прямо, как запой! Не могла прерваться, и всё!

– Кому шьёшь-то?

– Да Валентине, Зиновьевых дочке, свадебное платье срочно понадобилось.

– Что ж за срочность?

– Так беременная она, восемь месяцев уже. Хотят до родов со свадьбой успеть. А на такую фигуру ох, непросто хороший фасон придумать!

– Понятно...

Исполнив с энтузиазмом супружеский долг, причем не только обязательную программу, но и произвольную, Шура уснула, щекоча дяде Яше шею своим теплым дыханием. Немного погодя уснул и он.

...О! Вот о ней я Вам рассказывал в прошлый раз, Портос! Это Суламифь из повести Куприна! Прекрасна, не так ли? ...Кто с ней? Наверное, Царь Соломон... точно, он!

Глава шестая

Следующие несколько дней Шура иступленно кроила и шила, подпарывала, подкалывала, примётывала, забывая пообедать, а иногда и поужинать. Зато, когда была последняя примерка, дядя Яша ахнул от восхищения: невысокая, с большим животом, Валентина казалась сказочной красавицей в построенном Шурой белом свадебном платье. И живот совсем не был заметен!

– Ой, тётяшка Шурочка, уж какое Вам спасибо-расспасибо! Я прямо сама себя в зеркале не узнаю! – лепетала Валя, встав на цыпочки и целуя кутюрье в румяные щеки.

Шура сияла от своего триумфа, как начищенный самовар. Диор в сторонке икал и грыз ногти от зависти.

– А давай, в кино ходим! – предложил ей дядя Яша, когда Зиновьевы ушли.

Жена радостно убежала наводить красоту.

В кинотеатре «Октябрь» на Калининском проспекте шел, как было написано в афише, «новый цветной широкоэкранный художественный фильм» под названием «Легенда о Тиле», с Натальей Белохвостиковой, Евгением Леоновым и Лембитом Ульфсаком. Билеты купили без проблем, так как сеанс был дневной. Бодро переставляя костыли, дядя Яша повел супругу в буфет. Взяли кофе с пирожными «Эклер». Быстро насладившись этой роскошью общепита, Шура ушмыгнула в дамскую комнату, оставив супруга одного. Дожевывая последний кусочек, дядя Яша заметил недавнего сопалатника Александра, идущего с палочкой в трех метрах от их столика.

– Саша! Заходи на посадку, слушай! – приглашающе окликнул он.

Александр подошел, поздоровался, поставил на столик свою тарелку. Расстегнул пальто.

– А меня выписали вчера! Но хромаю, однако. Теперь в санаторий путевку пробиваю, на грязи, в Мацесту.

– Дай Бог, чтоб помогло!

Александр наклонился к дяде Яше и негромко сказал:

– Странное дело, Петрович! Выписали тебя – и на следующий же день у меня сочинительство как отрезало: ни одной ноты в голову неделю не приходило! Кирюшка рисовать перестал, бродил по отделению весь такой скучный... Иван запил на три дня, выписали за нарушение режима без бюллетеня! А Олег Михалыч тоже заскучал, но его через два дня прооперировали и к нам больше не вернули. Ты сам-то, как?

– Нормально... – удивленно ответил дядя Яша, – настроение бодрое, этюд твой разучил...

– М-да... А гипс тебе когда снимут?

– Да послезавтра!

– Петрович, приезжай ко мне во вторник, пожалуйста! Я думаю, ты на меня положительно влияешь! – улыбнулся Александр и откусил кусок эклера.

Толстенькая колбаска крема выдавилась сбоку и испачкала подбородок. Саша, ставший похожим на белого клоуна Пьеро, утерся салфеткой, шепотом длинно выругался.

– Правда, приезжай! Музыку хорошую послушаем, у меня такие люди бывают интересные! Сам Высоцкий!

– Приеду, конечно приеду, слушай! А, во сколько?

– В пять ноль-ноль!

– Ну, я понятное дело, принесу...?

– Нет, ребята-демократы, только чай!

Оба рассмеялись.

Подошла Шура, но разговор продолжить не удалось: прозвучал звонок, и все потянулись в зрительный зал.

Во время сеанса, благо в фильме было много длиннот, дядя Яша тискал жену и украдкой целовал, делая вид, что шепчет что-то на ухо. Шура отталкивала его (символически) и радовалась приставаниям мужа, как восьмиклассница на первом свидании.

...По-моему, Вам пора освежиться, господин дю Валлон! Шпагу оставьте, я присмотрю. В сортире все равно с ней не развернешься...

Глава седьмая

В понедельник был большой день: сняли гипс с ноги! Нога под гипсом была отвратительного вида, синюшная, вся шелушилась. Хирург, осмотрев и ощупав ногу, заверил, что все срослось хорошо. На выходе из процедурной ждал Алеша. Взяв у него трость, подаренную добросердечным Вивравенаном (осталась от отца и была более не нужна), дядя Яша с удовольствием подпрыгал ногой, притопнул. Нога слушалась, но была ещё слабая.

– Что ж, сынок, поехали в баню, ногу отмывать? – повернулся он к Алеше.

Тот, с улыбкой, кивнул, и они поехали в Центральные Бани.

В парилку дядя Яша сделал три добрых захода, долго хлестался новым дубовым веником, потом остервенело тер ногу мочалкой. Завернувшись в простыни, взяли по кружке пива у мрачного дядьки в нечистом белом халате.

– Ну, будь здоров, батя! – поднял кружку Алеша.

– Будь здоров, сынок!

За пивом сын рассказал, что досрочно закончил курсовой проект, помог доделать Ольге, а сейчас пишет большую статью по теме, которую даже в диссертацию не стыдно развить. Дядя Яша только диву давался. Раньше такого рвения в учебе у Алеши не было...

Выпив с наслаждением пивка и покурив, стали собираться. И тут выяснилось, что у Алеши сперли джинсы! Портки было очень жалко: настоящий Вранглер, за который Шурой было вчера заплачено двести целковых. Пошумев и порасстраивавшись, купили за пятёрку у банщика синие тренировочные штаны, к счастью, новые. Он держал в зачатке несколько пар, как раз на такой вот случай. Так и поехали домой.

Дома Шура и Олечка ждали их с ужином. Пришел и Вивравенан. Узнав о покрое джинсов, все ахнули от возмущения, но слишком сильно расстраиваться не стали.

– Ты и без джинсов красивый! – заявила Олечка и смутилась, поняв, что получилась двусмысленность.

Вивравенан пообещал привезти портки из Швейцарии по госцене. А Шура улыбалась про себя: это она сшила сыну джинсы, которые никто, даже воры, не смогли отличить от фирменных. А то, что за них она, якобы, заплатила две сотни, было сказано для убедительности.

...Вот, представьте, Портос, что у Вас сперли... ну, я не знаю... Ваш мушкетерский плащ и перевязь с золотым шитьем! ... Нет, убивать за это до смерти – это слишком!

Во вторник, с большим пакетом Шуриных плюшек, дядя Яша отправился на Старый Арбат к Александру.

– Заходи, заходи! Пальтушку сюда вешай, плюшки мне давай! – хлопотал гитарист.

Пригладив перед зеркалом волосы, дядя Яша вошел в комнату и слегка остолбенел: комната была одна, но огромная – квадратов семьдесят. В одном углу стола плита с рабочим столом и холодильник. В глубине комнаты виднелся альков, отгороженный портьерами. Большой камин с полочкой, уставленной статуэтками и фотографиями в рамках. Несколько картин на стенах. Кабинетный рояль. Длинный, явно самодельный стол с лавками и несколько разнокалиберных диванов и кресел дополняли обстановку.

– Однако, хоро-омина! – выдал своё мнение наш герой.

– А! – махнул рукой Александр, – Я привык. Ты проходи, знакомься. Сейчас ещё люди подтянутся.

Они подошли к троим, курившим у приоткрытого окна.

– Рекомендую, друзья! Яков Петрович, лабух-любитель, семиструнщик. Исключительно хороший человек! На меня влияет положительно, как с ним познакомился, идеи так и прут и на бумагу прямо без поправок ложатся!

Все, улыбаясь, представились, по очереди пожали дяде Яше руку.

Двое были музыкантами, пианист и виолончелист. У пианиста Гены был смешной нос, похожий на утиный клюв. Третий – жилистый дядька лет под шестьдесят, был человек мастеровой, специалист по реставрации музыкальных инструментов и скрипач-любитель. Рука у него была трудовая, жесткая, с пятнами от лаков и растворителей и изуродованными ногтями.

– У нас тут вроде клуба, – пояснил хозяин, – собираемся, беседуем, показываем новое, играем для себя.

На плите тем временем закипел здоровенный, литров на восемь, старинный медный чайник. Александр заварил чай (в фарфоровом, тоже очень большом чайнике), поставил на стол хлеб, колбасу, сыр, яблочное повидло в литровой банке. Ещё поставил поллитровую банку варенья из лепестков роз. Все уселись чаевничать.

– С этим вареньем из роз история была. Прихожу однажды к другу, а он только что из Крыма вернулся. Сели чай пить, он вот этого варенья открыл, неземной вкус, говорит, только в Крыму продается. Приволок он его тридцать банок, чуть грыжу не нажил, тащивши. Вечером пошел меня до метро проводить и курева купить в соседнем гастрономе. Заходим, значит, в гастроном, он за куревом двинул, а я соку выпить. Смотрю, стоят рядами банки, точно такие же, как у Сереги, крымского производства варенье. Из лепестков роз! Я едва пополам от смеху не порвался, а Серега так ругался, что я целых три новых выражения записал!

Все посмеялись, и попробовали варенье. На вкус дяди Яши – так себе, ничего особенного.

Пришел Высоцкий. Поздоровался со всеми за руку, сел к столу, презентовал хозяину кусок буженины. Рассказал смешную балладу о Чуде-Юде и победившем его герое, отказавшемся от обещанной принцессы.

– Мне уж лучше портвейну бадью! А принцессу мне и даром не надо, Чуду-Юду я и так победу!

Все засмеялись.

– Хочу на музыку положить, – блеснул хитрыми веселыми глазами Высоцкий.

Вытерев губы, Антон Васильевич, реставратор, предложил:

– Новичка прописать требуется, как вы думаете?

– Да, Петрович, надо бы исполнить чтонибудь! – подтвердил Александр, улыбаясь.

– Да я не знал... и гитары у меня с собой нет... – растерялся дядя Яша.

– Гитару дадим, не робей.

Подстраивая Сашину семиструнку, дядя Яша решил исполнить этюд, свежеразученный после выписки из больницы.

Играл он хорошо, это было видно по лицам слушателей.

– А спеть, Петрович?

И дядя Яша спел романс «Не уходи, побудь со мною», с чувством спел, с душой.

– Лабух, однако! – был всеобщий приговор.

– Спасибо, Яков Петрович, уважил! – серьезно поблагодарил Александр, – Неужели все самоучкой? Техника очень неплохая, только старомодная.

– Да... показывали, как пальцы на струны ставить... давно... в войну еще. Потом сам до всего доходил... – бормотал счастливый дядя Яша, жадно отхлёбывая остывший чай пересошим ртом. Подумать только: его, любителя, приняли в свой кружок профессионалы!

...Нет, я не играю на клавинодах. Гармошка – другое дело! ... Это вроде клавинодов, портативный вариант... Барон! Не надо! Не стреляйте в менестреля, он играет, как может!

Глава восьмая

С тех пор дядя Яша стал ходить в Арбатскую квартиру каждый вторник. Специального приглашения не требовалось. Некоторые приходили регулярно, некоторые – от случая к случаю. Каждый раз было интересно и весело. Собиралось каждый раз не более дюжины, но всех членов кружка-клуба было около пятидесяти. Дядя Яша перезнакомился со всеми. Кроме музыки нашлись и другие общие темы, в том числе нумизматика. Кое-кому дядя Яша сделал настойку из иголок любимого кактуса, чем снискал огромное уважение и почет. И все отмечали прилив творческих сил! И музыканты, и актеры, и писатели (приходили и такие).

Однажды, в начале лета, дядя Яша несмело заговорил о гитаре. Очень уж хотелось ему настоящую, с хорошим глубоким звуком.

Народ воспринял проблему серьезно и с пониманием.

– Понимаешь, Петрович, на заказ строить слишком дорого и долго. У всех трех мастеров, что на Москве, заказов на три года вперед, да и цены – двадцать тире пятьдесят тысяч, – компетентно объяснял Антон Васильевич, реставратор.

– Не потяну, – увял дядя Яша, – даже если все продать, что дома есть...

– Но есть и другой путь! Сейчас многие уезжают и иногда можно отличные инструменты купить недорого. Часто ко мне обращаются: оценить, покупателя найти... Там деньги более реальные. Посматривай! Я тоже буду иметь в виду.

Вскоре стали расходиться. Уже в метро Антон произнес, глядя в сторону:

– А знаешь, о чем я мечтаю? О трубке. Настоящей, старинной, глиняной. Только в такой табак имеет совершенно особенный вкус! Да где ж найдешь!

– У меня есть, – рассеянно ответил дядя Яша, – Я тебе подарю. Заедем ко мне, слушай!

– Да ты што-о! Да я тебе... Яша! Что ты хочешь, гитару? Будет тебе и гитара, и... и бубен Страдивари!

Через две недели Антон Васильевич позвонил.

– Есть отличный инструмент! Работы крепостного мастера графа Воронцова, Варламова. 1799 год. Гусарский вариант, салонная, значит, гитара, небольшая. Но звук – изумительный, и состояние превосходное, только колки заменить надо, а то строй плохо держит. Самому Денису Давыдову принадлежала! Даже автограф его есть.

У дяди Яши забурчало от волнения в животе. Удача!

– Слушай, сколько просят-то?

– Просят восемь тыщ, но поторгуюсь! Только быстрее надо, у человека через неделю поезд на Вену. Обещал подождать до послезавтра.

Дядя Яша засуетился, как суетится проспавший на работу человек, ищущий по всей квартире потерявшийся носок.

Деньги! Нужны! Срочно! (Позволю тебе напомнить, Читатель, что столько в те времена стоила автомашинка Жигули. Даже трошки поменьше!). На книжке таких денег не было, едва половина. Повздыхав, вытащил из шкафа альбомы с коллекцией. Если продать вот это, это и это... короче, большую часть, то хватит. Монеты он другие со временем найдет, а гитара нужна сейчас! Сложил альбомы в портфель и стал дожидаться вечера, что бы пойти в клуб нумизматов.

Монеты ушли удачно, за сколько и рассчитывал. Жалко было, конечно, почти тридцать лет собирал. Но, как говорится, новые песни придумала жизнь, не надо, ребята, о песне тужить!

Позвонил Антону, договорился завтра идти за инструментом.

Встретились на станции «Площадь Революции». Идти было всего пять-шесть минут, но дядя Яша от волнения весь вспотел. Ради такого события он оделся не по погоде в свой луч-

ший шевиотовый костюм-тройку. Деньги были сложены для сохранности в специально сшитый Шурой пояс.

– Пришли, – пробормотал Антон Васильевич, – Помни, Яков – твое дело молчать и надуть щеки.

Он позвонил. Дверь открыл грустный пожилой человек, чем-то похожий на грача: длинный нос, одно сутулое плечо выше другого. Молча кивнул, узнав реставратора, жестом пригласил войти. Квартира была почти пустая, видно было, что человек живет уже на чемоданах.

Антон представил их друг другу. Человека звали незатейливо: Абрам Ефимович.

– Вот, смотрите, – положил он потертый футляр с гитарой на стол.

У дяди Яши захватило дух. Гитара была изящна и красива, как женщина! Красно-коричневый лак с мелкими трещинками придавал её облику необыкновенную элегантность. Размер короба, и верно, был меньше привычного, но это придавало инструменту особый стиль и шик!

Достал из футляра, подкрутил колки, настраивая. Колки, и верно, подносились, нуждались в замене... Взял аккорд, другой. Звук был глубокий, сильный и, в тоже время, нежный, вкрадчивый. Гриф, тоже несколько уже привычного, ладно ложился в руку. Сыграл короткую пьеску. Звук наполнил комнату, переливался и дрожал, замирая где-то под потолком. Качнул инструмент, добиваясь вибрации звука – и возникли залихватские, волнующие душу цыганские переливы. Снова осмотрел гитару: сквозь инкрустированную перламутром розетку читалась залихватская подпись: Д. Давыдовъ и ещё что-то.

На глазах у Абрама Ефимовича выступили слезы:

– Этот инструмент не выпускает из страны министерство культуры. Мой сын уехал три года назад, это его гитара, и все три года я искал возможность вывезти её. Я унижался, я пытался давать взятки – ничего не помогало! Видно, не судьба... Но я рад, что отдаю Мулю в хорошие руки.

– Мулю!?

– Ну да, так гитару назвал Денис Давыдов: Муля! Там, внутри, если приглядеться, можно так прочесть...

Они сели за стол. Дядя Яша достал и откупорил бутылку крымского муската. Хозяин принес рюмки и пачку Юбилейного печенья.

– Мы не хотели уезжать, не такие уж мы... сионисты. А к антисемитизму мы притерпелись... Но мой мальчик бредил небом, хотел быть лётчиком, а его не брали ни в военное училище, ни в гражданское. Инвалид пятого пункта! Сейчас в Израиле он заканчивает лётную школу, служит в ВВС. А я здесь один, и каждую ночь вижу его во сне... Я был в отказе три года без объяснения причины. Но теперь я таки еду! Говорят, там хорошая пенсия... и апельсины...

Слёзы катились по его лицу и капали с плохо выбритого подбородка. Абрам Ефимович не вытирал их.

– Я москвич, я родился и прожил здесь всю жизнь, даже в эвакуацию отказался ехать, сына вырастил в одиночку. А там... всё чужое, кроме моего мальчика... Мне страшно.

Сердце дяди Яши сжалось. Он-то знал, что такое летать, не по наслышке. Что такое единственный сын ему объяснять было тоже не надо. Детей у них с Шурой не было восемь лет, всех врачей-профессоров обошли – без толку. И вот, однажды, проходя мимо Елоховской церкви, пожалела Шура старенькую бабку на паперти, подала трешку (старыми). Бабка остро взглянула на красивую молодуху, и без предисловий прорекла:

– На Успенье Богородицы исповедайся, причастися, да помолися Заступнице. А как домой вернесси – сразу с мужем ляжь, тоды понесешь, касатка.

И пропала куда-то, как дым, растаяла. Сильно удивилась Шура: откуда бы незнакомой бабке знать про её беду? Но, хоть и была маловерующей и в церковь ходила всего три раза в жизни, сделала как велено, не говоря мужу. И – получилось! Родился сыночек, назвала Алек-

сеем, что значит – Божий Человек. А бабушку ту Шура больше так и не встретила, хоть и искала – отблагодарить хотела.

Дядя Яша глотнул вина, вспоминая. Глянул на хозяина, вынужденного продать любимую гитару сына. И дядьку этого стало жалко невыносимо: шутка сказать, уехать в чужую страну, начинать жизнь заново на старости лет, бросить все нажитое, могилы родителей...

Он засопел, расстегнул пояс и положил деньги на стол.

– Здесь ровно восемь, пересчитайте!

Абрам Ефимович поднял на него удивленные глаза:

– Разве мы таки не будем торговаться?

– Нет, – ответил дядя Яша, не обращая внимания на отчаянные знаки, подаваемые Антоном.

– Ну, тогда... Позаботьтесь о Муле!

Дядя Яша промолчал, только кивнул. Ему хотелось пообещать, что он не расстанется с этой гитарой ни за что на свете, но в горле стоял комок и слова не шли с языка.

Они вышли. Дядя Яша неловко прижимал футляр с Мулей к животу, и чувствовал, как удары его сердца слабым эхом резонируют внутри чуткого инструмента, который он полюбил с первого взгляда, как когда-то Шуру.

Так в этот вечер наш герой впал в состояние счастья.

...Сигару, Портос? ... Ага, гаванская! Затянитесь! ... Теперь окуните кончик в коньяк, снова затянитесь и почувствуйте разницу... Г-м, я имел в виду кончик... сигары, месье!

Глава девятая

«... обращаю также Ваше внимание на появление в кружке Александра Суховерского некоего Якова Петровича Соколова, подполковника ВВС в запасе. По словам членов кружка и по моим собственным наблюдениям, в результате контакта с ним увеличивается творческая активность, независимо от рода занятий: композиторство, конструирование, стихосложение. Сам же Соколов – личность не творческая, крепкий гитарист-любитель, чудаковатый со странностями. С его слов, подобная творческая активность имеет место и в его семье у жены и сына. Со слов Суховерского, впервые это началось в марте сего года, когда он познакомился с Соколовым в травматологическом отделении клинической больницы №4. После выписки Соколова творческая активность прервалась у всех четырех сопалатников последнего. Суховерский отмечает возобновление феномена после посещения Соколовым кружка 3 апреля с.г. и распространение в той или иной мере на всех участников по мере их посещения. Считаю необходимым установить за Соколовым индивидуальное наблюдение в целях дальнейшего контроля и изучения феномена. Утконос».

Прочитав эти корявые строки, полковник Минеев, курировавший по долгу службы неформальные объединения столицы, хмыкнул и закурил. Подобные донесения о пророках, гуру, мессиях, чудотворцах и прочих ясновидящих были нередки, но после проверки, как правило, оказывались пшиком. Но приказ был – проверять всех.

Докурив Яву до фильтра, Минеев накрутил номер на диске внутреннего телефона.

– Сергей Иванович? Минеев... Да... Спасибо... Есть кое-что по твоему, г-м... широкому профилю... Зайдешь ко мне? ... Да хоть сейчас! ... Жду!

Через полчаса в кабинет вошел высокий сухощавый подполковник Лукин. Обменявшись рукопожатием с хозяином, сел, поддернув отглаженные брюки, в кресло для посетителей.

– Погоды нынче... прямо благорастворение воздушных масс! Не так ли, Никола свет Дмитриевич?

– Да, сентябрь, а такая теплынь! И урожай на даче – прямо все так и прёт: и картоха, и яблоки! Чайку? Моя теща варенье сварила – вкуснятина и обедун!

– А давай! Чай не пьешь – откуда силы берешь?

– М-да... Чай не пьешь – и нету силы! Чай попил – опять ослаб!

Посмеялись. Секретарша-прапорщик Леночка, грациозно перебирая стройными ножками, внесла поднос с чайником, стаканами в подстаканниках, сахарницей с колотым мелко рафинадом. (Любители чая согласятся, что у рафинада вкус гораздо приятней, чем у песка). Николай Дмитриевич поставил на стол яблочное варенье.

Немного погодя он небрежно предложил:

– Вот, почитай, – и протянул листок с донесением агента Утконоса.

Сергей Иванович не спеша одел очки и углубился в чтение. Сделал пару пометок, перечитал ещё раз.

– Интересно... – протянул он задумчиво, – первый раз на такого выходим. Я его возьму... под своё крыло.

Хозяин кабинета перевел дух. Спихнуть часть работы в другой отдел было удачей: людей не хватало, а дел было невпроворот.

– А в чем интерес-то?

– Понимаешь, слухи о таких людях ходят давно. Кто удачу приносит, кто целый батальон храбрецами делает, кто ещё что-нибудь. Причем – только других изменяет. Мы их условно называем катализаторами. Ну, как в химии: реакция происходит только в присутствии некоего вещества, которое само в процессе реакции не изменяется. Если твой Утконос не выдумывает, то нам будет, что поизучать.

– Понимаю. Такого в КБ какое-нибудь посадить, сразу план перевыполнят!

– Вот именно. Только это лишь часть проблемы. Мы ищем путь к радикальному изменению сознания, и такая способность – активировать творчество, может быть одним из компонентов процесса.

– Как это?

Подполковник уселся поудобнее и снял галстук.

– Отличное у тебя варенье, и чай вкусный Леночка заваривает... Не торопишься? Тогда слушай! Человек сегодняшний ни в умственном, ни в физическом плане не отличается от жившего пятьдесят тысяч лет назад своего предка-кроманьонца. Качественно новый скачок в развитии возможен только в результате изменения сознания, структуры мышления. Ведутся исследования по освоению резервов мозга, ведь сейчас мы используем только три процента. Дальше всех в этом направлении продвинулись йоги, но этого недостаточно, и путь этот увы, тупиковый. Ну, представь: соревнуются в плавании человек и дельфин. Какой бы пловец тренированный не был, дельфин его лениво обгонит, даже не поймет, что с ним соревнуются.

Лукин прервался, что бы закурить. Выпустив вверх струю дыма, он продолжил:

– Существует предположение, что новая структура мышления возможна в случае возникновения коллективного разума. Представь себе группу людей, объединивших свои мысли, чувства, знания и опыт, но сохранивших, тем не менее, свою личность и свободу воли! Возможности их будут поистине неограниченные! Они смогут стать и дельфином, фигурально говоря, и жирафом, чтобы листики с верхушки дерева сорвать, и мышкой-норушкой... А, главное они будут корифеями и исполинами духа!

– Не, я такое представить не могу. Все равно что бесконечность... или вечность! Как я понимаю, тебе для этого проекта телепаты нужны... Я ж тебе слил парочку недавно. Как они?

– Да... Одна из них кое-что может... иногда. Телепатия – это лишь связь между двумя людьми, чаще – односторонняя. Но нужны катализаторы, вроде этого Соколова, которые пробуждали бы способности сразу у группы людей, причем способности разные. А их чаще всего просто не замечают, потому что связать удачу, или творчество с влиянием определенного человека трудно.

– М-да... Непростое дело... А вы этого, Соколова, препарировать будете?

– Ну, что ты! Понаблюдаем плотненько, пригласим, предложим сотрудничать. Там видно будет.

Лукин затушил окурок в пепельнице и поднялся.

– Пойду я, Николай Дмитрич, спасибо за... г-м... катализатор!

– Всех благ, Сергей Иванович! Удачи!

Дяде Яше послали повестку с вызовом на Лубянку, на 14.40, тридцатого сентября.

...Портос, попробуйте чипсы! Их делают из картофеля. В Южной Америке растет, корнеплод такой, вроде репы... Во-во, с испанским розовым Аликантэ хорошо! ... Итак, продолжаем:

Часть вторая: Медсестра

Глава первая

Тоня ехала домой с ночного дежурства. Глаза слипались, но настроение было хорошее. Вагон электрички уютно постукивал на стыках, ветерок из окна приятно охлаждал лоб. Мысли лениво брели в разных направлениях: ... купить бы тушь «Ланком» у Светки-спекулянтки, но уж больно дорого... Бабулька, наверное опять нажарила на завтрак нелюбимых сырников, но придется есть, чтоб не обидеть... Эй! Я же не домой еду, а к Верульке на дачу! ... Кота Мурзика уж который день дома нет – весна!.. «Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром...»...

Народу в вагоне почти не было – так, человек десять. Кто читал, кто дремал. Одна тетка вязала кофточку. Ветерок из окна усилился и попрохладнел. Тоня открыла глаза: погода хмурилась, пахло дождем.

«Успею до дождя или не успею? Впрочем, зонтик вот он, в сумке», – подумала девушка.

– Лесной Городок, следующая – Толстопальцево! – жестяным голосом прохрипел репродуктор. Зашипели, закрываясь, двери вагона... И тут началась гроза! Дождь за окном хлынул водопадом, полыхнула молния, другая. Гром рывкнул, как из пушки. Тоня мгновенно получила заряд брызг, всё левое плечо и волосы намокли! С визгом она вскочила со скамейки, но этот момент в раскрытое окно неторопливо вплыл ослепительный бело-голубой шар, размером с теннисный мячик.

Время, казалось, остановилось. Завороженными глазами, не в силах пошевелиться, Тоня следила за шаровой молнией, плававшей в воздухе в полуметре от её лица. Несколько секунд ничего не происходило, затем яркая беззвучная вспышка заполнила весь мир... и наступила темнота.

– ... пульс ей пощупай... как же так... ложи на лавку... милицию надоть... искусственное дыхание... мама, я боюсь! ... не лезьте, женщина!.. вот валидол... отвали, не лапай меня!.. да пульс ей пощупай же... женщина, не видать ничего, подвиньтесь, а?... да только что... мороженное приложить помогает... умерла, да?... ухи потри... от дурака слышу... дайте мне, я роды принимал... причем тут валидол... ухи потри, я сказал!

Гул голосов доносился как сквозь вату. Кто-то сильно потер Тоне уши, похлопал по щекам.

Она открыла глаза, увидела круг испуганных лиц.

– Живая! – облегченно выдохнул какой-то толстый дядька, – Вишь, глазами лупает!

Опрятная старушка в беретике держала за руку, искала пульс.

– Пульса нет! – растерянно пискнула она.

Тоня рывком села на лавке. Голова слегка кружилась, но самочувствие было сносное. На лицах пассажиров расплывались улыбки.

– Я же говорил, ухи потереть надо! – торжествующе трубил мужичок в телогрейке и с красным носом, – Мне, как сознание потеряю, перебравши, кореша завсегда ухи трут! И домой, как по ниточке дохожу!

– Это ж у тебя сердце! Вот, валидолу пососи, дочка! – пожилая женщина протянула пахнущую мятой таблетку.

Тоня машинально положила кругляшок под язык.

– Скорую уже хотели вызывать!

– Не надо Скорую... Со мной все хорошо... – прошептала девушка, окончательно приходя в себя.

– Хорошо-то, хорошо, а пульса нету! Все-таки, молнией ударило, не шутка! Вы бы, милая, все-таки доктору показались! – наставительно вещала старушка.

– Пульс, мамаша, фельдшера выдумали, чтоб народ смущать, а себе авторитету прибавить! – засмеялся специалист по трению ушей.

Старушка возмущенно фыркнула.

– Толстопальцево! Следующая – Лесной Городок! – проквикал репродуктор.

– Вот те на! Обратно, что ль, едем?

Начался легкий переполох, про Тоню забыли.

Она встала и, прижимая сумку локтем, пошла в тамбур. Станция со смешным названием «Толстопальцево». Надо сходить.

Гроза кончилась, оставив стойкий запах озона и молодой тополевой листвы, а также обширные лужи, через которые приходилось перепрыгивать. Снова выглянуло приятное майское солнышко, над травой, пестревшей одуванчиками, и разбитым асфальтом поднимался парок. Полностью придя в себя от происшедшего и оправившись от испуга, девушка была опять в отличном настроении, в голове прояснилось, шаг был легкий и упругий. Да и кто печалится долго по пустякам в девятнадцать лет!

Верулькину дачу Тоня нашла по описанию без труда, хотя раньше здесь не бывала. Дача была капитальная, зимняя, с огромным, в гектар, участком. Высокий забор позволял видеть только крышу двухэтажного дома. Верулькина мама была директором большого гастронома и могла себе позволить немножко роскоши. И позволяла!

Позвонив у калитки, Тоня огляделась. Улица здесь заканчивалась, дальше начинался лес: высокие стройные сосны тянулись ввысь, наполняя воздух ароматом хвои. За калиткой слышались шаги, щелкнул замок. Внимательные глаза рыхловатого, пожилого, лет пятидесяти, дядечки быстро оглядели её. Это был Верулькин отчим, Виталик (так звала его жена, ну, и падчерица тоже!). Что же он увидел, Читатель? А увидел он такое чудо природы, что даже в глазах у него помутилось от восхищения!

Высокая стройная девица, со светлыми, пепельными волосами, кудрявыми, хоть и влажными. Лицо её было как с полотна Боттичелли... ну, того самого, где Венера нарисована! Огромные синие глаза, удлинённые к вискам, темные, густые невыщипанные брови. Прямой греческий носик с деликатно вырезанными ноздрями. Рот с полными яркими губами в форме Купидонова лука. Маленькая родинка на щеке. Длинная изящная шейка. Грудь... *(Про грудь лучше не буду, а то... г-м, жена Автора может неправильно понять!)*. Тонкая-тонкая талия. Длиннющие, безупречно стройные ноги. Опытным взглядом специалиста по женскому платью (Виталик много лет работал продавцом в ГУМе) он сразу определил, что девушка, купив вещь сорок шестого размера, будет вынуждена расставлять её в бедрах и ушивать в талии. То-есть, попа была самую малость великовата, но придавала всей фигуре только ещё больше пикантности. С обувью тоже должны были быть проблемы: непросто достать туфли или сапожки тридцать пятого размера! Короче, молодую Софи Лорен видали? Только наша Тоня ещё стройнее и красивее! *(Уф-ф, Читатель, у Автора аж в глотке пересохло от такого описания! Эй, человек! Подай стакан бургундского, а лучше – бутылку!)*

Тряхнув головой и непроизвольно облизнувшись, Виталик спросил:

– Вы к кому?

– К Верочке. Я – Антонина Левченко, её подруга, – ответила красавица, улыбаясь.

– Ах, да-да-да... она предупредила... пре... ага! – пробормотал Виталик, пропуская гостью войти.

Посмотрел вслед, причмокнул толстыми губами: хороша Маша, да не наша! Супружница Элеонора Силантьевна была о-очень ревнива и держала его под неусыпным контролем.

Подруга Верочка встретила её на пороге и сразу же потащила завтракать. Они были знакомы уже давно – дней десять. Познакомились сидя в очереди на профосмотр в женской консультации, и сразу понравились друг другу.

Во время завтрака Верочка (полненькая брюнетка среднего роста) непрерывно щебетала и подкладывала Тоне на тарелку всякие деликатесы: омлет из перепелиных яиц, датскую ветчину, оливки, сыр Рокфор. От Рокфора Тоня отказалась – там была плесень. Потом пили заграничный кофе «Нескафесь» со сливками.

– Все такое вкусное... но больше не могу, а то лопну! – вздохнула Тоня, откидываясь на спинку стула.

– А пирожные? – жалобно чирикнула Верочка.

– Потом, надо сперва жирок растрясать!

– Ой, да какой у тебя жирок! А я, действительно толстая, да? Вот, пощупай здесь! – Вера показала на пухлую грудь.

Тоня, пожав плечами, деликатно пощупала. Вера задышала глубже, закусил губу.

– Да нет, вовсе ты не толстая! – свеликодушничала Тоня.

Чуть подрагивающими пальцами Вера взяла из красивой пачки с верблюдом сигарету, прикурила от блестящей зажигалки. Округлив губки, выпустила колечко дыма.

– Виталик сейчас уедет, дома никого... Пойдем в сад, позагорает?

– Да у меня и купальника нет!

– Ой, да зачем этот дурацкий купальник! Потом белые места остаются! Загорать надо исключительно го-лы-шом! И искупаться можно: у нас бассейн.

– Ну да? А если увидит кто?

– Брось! Забор высокий, да с улицы бассейн и не увидишь. Пошли!

Они вышли к бассейну, около которого был дощатый настил, нагретый солнцем. Бассейн был небольшой, круглый, метра три в диаметре и глубиной сантиметров шестьдесят у одного края и сто двадцать у другого. Девушки разделись. Тоня помахала руками, чтобы остудить разгоряченное тело, и прыгнула в бассейн. Вода была теплая. Тоня засмеялась от удовольствия и щедро брызнула Верочке на живот. Та, заверещав, тоже слезла в бассейн и обрызгала подругу. Несколько минут они плескались, взвизгивая и хохоча, затем Тоня попыталась плавать по кругу на спине, только бассейн был для этого слишком мал. Потом они вылезли на настил и Вера, учащенно дыша, вытерла Тоню дефицитным, мягким-мягким китайским полотенцем. Легли загорать. Тоня лежала на спине, закрыв глаза, и ей было хорошо. Чувство неги и свежести заполняло и расслабляло всё тело. Вера лежала рядом на животе, слегка касаясь бедром её бедра, и водила травинкой по Тониной груди, при этом рассказывая смешные истории о своей учебе в Институте Советской Торговли. Училась она заочно и числилась на работе в мамином магазине. Зарплату её делили между собой другие продавщицы, зато Вера не перетруждалась, и имела достаточно времени заниматься собой. Вдруг она надолго замолчала, а затем тихо и вкрадчиво попросила:

– Поцелуй меня, Тонечка!

Тоня удивилась. Целоваться с девчонками ей никогда не приходило в голову. Весь её поцелуйный опыт сводился к кинофильмам про любовь и книгам Бунина и Чехова. Лишь однажды, на выпускном вечере, она целовалась с Генкой Долотовым, но это скорее он её, чем обоюдно. Ключнул в щеку, покраснел – и убежал. М-да...

Она открыла глаза. Вера смотрела серьезно, слегка улыбаясь чуть подрагивавшими губами. Мокрая прядка черных волос прилипла ко лбу, на котором цвели два скромных прыщика. Мысленно пожав плечами, Тоня приподнялась на локте, обхватила подругу за шею и вцепилась в губы. Вера словно взорвалась. Она, навалившись на Тоню, впиалась в её губы так, что перехватило дыхание. Язык, длинный и скользкий, дерзко загулял по зубам

и деснам, оставляя слабый, но все равно неприятный, привкус табачного дыма. Затем, пыхтя как паровоз, Вера принялась целовать грудь и живот своей жертвы.

– Сейчас, сейчас! – бормотала она, – Расслабься! Это будет божественно, мы сольемся с тобой в блаженстве! Ты прекрасна, я обожаю тебя!

Руки же пытались раздвинуть сомкнутые колени. Все это было странно и неприятно.

– Перестань, Вер! – Тоня резко высвободилась и села, подтянув колени к груди.

Тяжело дыша, Вера встала на четвереньки.

– Тонечка! Да я тебе так приятно сделаю, как ни один мужик никогда не сможет!

До Тони стало доходить. Дело в том, что, выражаясь старинным высоким стилем, стрела Амура ещё не поражала её, и она не имела сердечного друга, хотя, конечно замечала, как вывихивают себе шеи мужчины, глядя ей вслед. Об отношениях же между женщинами она слышала... краем уха, но в суть не вдавалась, даже забыла, как это называется: лебснийская... нет... лембийская, что ли, любовь?

– Не хочу! – отрезала она и отодвинулась.

Глаза Верочки наполнились слезами:

– Ты меня не любишь! Злая!

Вскочив, она, не одеваясь, убежала в дом. Обалдело глядя ей вслед, Тоня осталась сидеть, собирая смятенные мысли и чувства в кучку. Немного погодя она встала, собрала раскиданную одежду, мимоходом позавидовав на подругин югославский лифчик, и повернулась, чтобы уйти. Но...

Петька Кутырин, по прозвищу Маркушка, весь покраснев от возбуждения, таращился сквозь щель в заборе. Он зашел со стороны леса, и бассейн был виден отлично. От подсмотренных девичьих игр у него аж ноги ослабели. Левая рука самостоятельно нырнула в карман штанов и, помимо его воли, ритмично двигалась там.

Петька в этом году закончил вспомогательную школу-восьмилетку. Сын алкоголички и тысячи отцов, уродливый, но крепко сшитый, он даже в школе для умственно отсталых умудрился остаться на второй год трижды: в шестом, седьмом и восьмом классе. Диагноз у него был такой: олигофрения в степени дебилности. Но для армии медкомиссия признала его годным, ибо был он сильным и здоровым физически! Призыв уже шел, и через неделю должны были забрить. Но пока Маркушка оттягивался: шарил по дачам, тибря, что плохо лежит, дрался, пил дешевое вино или одеколон (а что? Вкусно и душисто!).

Эту дачу он высматривал уже третий день: богатая хоромина, явно торгаши живут, а значит, пусть поделятся богатством! Богатство он представлял как полный карман трёшек, или стол, уставленный жратвой и напитками: белым и красным, сиречь водкой и портвейном.

Когда черненькая вскочила и убежала, Маркушка содрогнулся, перевел дух и вытащил руку из кармана. Рука была мокрая и липкая. Обтер об штаны. Белобрысая девка все ещё сидела на досках голяком. Такой шанс упустить нельзя! Быстро подтянувшись, он перекинул тело через забор.

Тоня увидела перед собой невысокого плотного парня с кривыми ногами. Низкий прыщавый лоб, маленькие тусклые глазки, отвисшая слюнявая нижняя губа, обнажающая редкие дегенеративные зубы, скошенный подбородок – всё это вызвало в ней мгновенное отвращение. И звериный запах месяцами немытого тела, от которого к горлу подкатил ком тошноты! Она слабо вскрикнула. Парень, гнусно осклабясь, приказал:

– Ложись, с-сучка!

В правой руке у него был большой складной нож. Тоня попятилась, поскользнулась на мокрых досках и упала навзничь. Урод довольно ухмыльнулся и левой рукой расстегнул

штаны, вынув из них нечто, похожее на большую сырую сардельку. Тоня зажмурилась и выставила перед собой руки... Хотелось, чтоб страшный нож исчез!

«Щас я ей... вопру! Ишь, покладистая попалась! Верно робяты говорили: девки, как толкушку увидят, так сразу и ложатся, потому, что у них тоже щёлка чешется!» – счастливо думал Маркушка, приближаясь к своей жертве.

Вдруг из руки зажмурившейся девушки вырвался ослепительный сине-белый поток плазмы. В неуловимый миг нож в руке насильника раскалился сначала добела, затем расплавился и закипел! Пальцы обуглились. Струйка расплавленного металла попала на прямо на напряженный причиндал Петьки, прожигая плоть насквозь. Запахло горелым мясом. Секунду дебил смотрел непонимающим взглядом на почерневшие пальцы и обрубок члена на траве. Затем пришла боль. Пронизывающая, красная, оглушительная! Вопя раненым паровозом, Петька бросился прочь. Выбив сходу калитку, покатился клубком по безлюдной улице. Метров через сто упал, потеряв сознание от шока.

Тоня открыла глаза. Урод исчез. На траве валялось что-то бледное. Что произошло, она так и не поняла. Медленно встала, и прижимая одежду к груди пошла в дом.

«Зато его теперь на войне не убьют! Куда в армию без пальцев?» – такая странная мысль почему-то вертелась в голове. Потом девушку затрясло.

...А вон, посмотрите, сидит Левий Матвей, ученик Иешуа! Из романа Булгакова. Давайте пошлем ему амфору Фалернского, а, мой друг?

Глава вторая

Вечером, когда Тоня приехала домой, бабушка Даша уже ждала её с ужином на столе. Дымился в тарелках наваристый борщ с пятнышком сметаны, вареники с картошкой и жареным луком ожидали своей очереди. Бабка всегда угадывала время прихода внучки, а как – объяснить не могла. Просто чувствовала.

– Бабуля! Опять ты меня закормить хочешь! Вот, борщ – поем, а второе не буду!

– Да как же, внученька! Отощажешь! Что ты там, на службе-то, кушаешь? Казенное же все!

– Бабуля! Ем нормально, не беспокойся! И не с работы я нынче, а из гостей! А в толстуху раскармливаться не желаю!

Жили они вдвоем. Мать умерла десять лет назад, отец исчез, когда Тоне было два года, и с тех пор не объявлялся. Алиментов тоже не платил. Своей жизненной программой баба Даша считала сначала вырастить сироту, а затем выдать замуж. А там и помирать не жалко! Вырастить-то удалось: школу внучка закончила, и медучилище тоже, сама деньги начала зарабатывать. А с замужем – проблемы! С парнями не хороводится, все одна да одна, на танцы тоже не ходит, да, может, это и к лучшему, шалопаи да стрекулисты одни на танцах-то...

Пыталась бабка сама искать внучке женихов. Нашла одного: аспирант-физик из соседнего дома, бабки Ниловны внучатый двоюродный племянник. Ви-идный из себя! Опять же, перспективный. Зазвала в дом, познакомила. Парень и сон, и аппетит потерял, а Тоньке хоть бы что – ноль внимания. Физик и цветы дарил, и билеты в театр – все без толку! До сих пор по вечерам под окнами дежурит, а Ниловна обижается...

Нашла и другого: мужчина солидный, положительный, на руководящей должности в торге. Разведенный, правда. Этого тетка Михайловна присоветовала, она в ихней конторе уборщицей трудится. Из кожи вывернулась, а познакомила его с внучкой баба Даша, умудрилась! Опять ничего не вышло. То-есть, мужик-то влюбился без памяти, в рестораны приглашал, в театры тож, на выставки всякие – а Тоня: нет! Не нужен такой, говорит, скучный он, книг не читает, поговорить не о чем. Да разве мужика по книжке любят! Эх!

Съевши борщ и твердо отвергнув вареники, пообещав, впрочем, разобраться с ними за завтраком, Тоня не смогла устоять против чаю с вареньем. И бабушка, и внучка любили сладкое, оно приводило их в хорошее настроение. После ужина поговорили о том, о сем. Бабулька безыскусно пыталась вывести, не появился ли у Тони кавалер. Тоня честно поведала об отсутствии такового, на данный момент. Рассказала о происшествии в электричке, как взорвалась шаровая молния, как потеряла сознание. О странных посягательствах Верочки и о неудавшемся изнасиловании рассказывать не стала: зачем зря волновать старушку?

Подумав, баба Даша вздохнула, глядя на девушку:

– Говорят, ежели кого молоньей ударит, да жив останется, чудесные силы в том человеке открываются. Но, не просто так: это Бог испытание посылает. Сумеет человек распорядиться ими во благо, значит выдержал, значит достоин Божьей милости. Если же нет...

Не договорила, только головой покачала.

Посмотрели телевизор – показывали фильм про разведчиков, «Мёртвый Сезон» с Донатасом Банионисом. Обе (и старая, и малая) искренне переживали за нашего советского героя невидимого фронта. Баба Даша прикидывала, подошел бы Банионис Тонечке в мужья. Решила, что нет: староват, однако. После фильма разошлись по спальням. Тоня посидела часок, читая книгу: удалось достать на неделю «Три товарища» Ремарка. Кукушка из ходиков прокуковала одиннадцать. Потянувшись, Тоня разобрала постель и разделась. Критически осмотрела себя в трельяже: задница все-таки толстая, может, на диету сесть? Одного плавания явно мало, чтобы быть в форме! Нахмурилась, увидев засос на правой груди: ну, погоди, Верка! За сте-

ной завозилась, закашлялась баба Даша, у неё опять была бессонница. Постояла минутку, прислушиваясь: не дать ли лекарство? Вспомнила бабулькины слова насчет чудесных сил. Улыбнулась: сказки и суеверия! Надев ночнушку, улеглась. Проникший через форточку в кухню кот Мурзик неслышно скользнул сквозь приоткрытую дверь и свернулся калачиком в ногах. Вскоре пришел сон-угомон. Во сне приснился Бог, хоть Тоня и была комсомолкой. Бог был старенький, седенький. И добрый. Улыбнулся и протянул на ладони яркую звездочку.

...К-хха, к-ха... седло бараашка не в то горло попало... Нет, не все седло целиком, а маленький кусочек! ...Ой, вы такими ударами по спине меня калеккой сделаете, господин барон!

Глава третья

Тоня работала постовой медсестрой уже целый месяц. Распределили её в хирургическое отделение больницы по соседству – всего пять остановок на автобусе. Работа нравилась, коллектив был хороший, дружный. Сейчас закончилась утренняя пятиминутка и все расходились по рабочим местам. У выхода на лестницу курили хирурги Голицын и Немахов. До Тони донесся обрывок разговора.

– Свояк мой, ну, ты его знаешь, Димка, на Скорой в области подрабатывает. Так в последнее дежурство попал он на огнестрел: парень то ли ракету запускал, то ли с взрывчаткой баловался, только пальцы, все пять, на правой кисти сожгло до углей, и большую половину члена оторвало! Речи тоже лишился, ничего не говорит, только мычит!

– Н-да-а... А милиция что?

– А что, милиция? Покрутились да ушли! Один он был посреди улицы. Свидетелей нет...

По спине у Тони пробежал холодок. Она ничего не сказала Верочке о происшедшем. Та долго не давала ей уйти, плакала, уверяла, что Тоня её неправильно поняла. В конце концов они помирились и даже выпили чаю с шоколадными пирожными. Это помогло снять стресс. (Да, шоколад – вещь хорошая! Наешься его – и нервничать уж не будешь! Автор на себе проверял. И есть его нужно часто, но помногу!)

Когда Тоня вышла из дома, чтобы успеть на электричку, вороны уже расклевали фрагмент насильника, а его самого увезла Скорая Помощь. Все это оставило тяжелый осадок.

– Девочки! Давайте все ко мне, медикаменты получать! – раздался голос старшей медсестры отделения, Александры Георгиевны.

Тоня, сестра со второго поста Лена, процедурная сестра Татьяна и перевязочная сестра Баба Настя гуськом двинулись в кабинет Старшей.

Выдавая им для пополнения медикаменты и материалы, Старшая ворчала:

– Вату тырите – пёс с вами, только меру знайте, не наглейте! Но, хоть заворачивайте свои дела в газету хорошенько! Туалет-то у нас один, перед мужиками же стыдно, когда в поганом ведре менструальная затычка во всей красе!

– Это когда это? – вскинулась Баба Настя, про которую было известно, что во время первой мировой войны из-за неё бросил жену кавалергардский поручик князь Оболенский.

Красавица Настя тогда служила в военном госпитале сестрой милосердия, ну и влюбился раненый князь, не устоял, значит!

– Да вчера!

– Так это ж Женька! Точно, она но-шпу вчера просила от живота уколоть! И песню пела:

Расцвела вчера в саду акация,

И теперь, уж точно, нет сомнения:

У меня началась менструация,

Значит, я сегодня не беременна!

(Однако! Лебедев—Кумач отдыхает! Автор за этот текст ответственности не несет!)

– Женька, значит! Ну, я ей клизьму завтра поставлю! Со скипидаром и патефонными иглками!

– А я слыхала, что за границей тампоны такие, специальные, для баб изобрели: вставляешь – и не течешь, и ходить не мешает, хоть гимнастикой занимайся, хоть в бассейне плавай! –

встряла Татьяна, крупная, горластая тетка лет тридцати, обремененная по жизни тихим пьяницей-мужем и двумя близнецами-хулиганами мелкого школьного возраста.

– Куда... вставляешь? – не поняла Тоня.

– Куда, куда... Туда! – заржала кобылой циничная Татьяна. Потом взгляделась в Тонино растерянное лицо:

– Да ты что, целка, что ли?

Тоня густо покраснела, схватила свою коробку и выбежала из кабинета. Почему-то она стеснялась своей девственности.

Когда закончился обход, новый доктор Сергей Михайлович, проходя мимо её поста, опять таращился своими очками.

Было это не то, что неприятно, но причиняло неудобство: все время хотелось проверить, все ли в порядке с одеждой, не зацепилась ли где петля на чулках. Сам Сергей Михайлович Тоню абсолютно не волновал.

– Что, Сережа, нравится Тонечка? – подзудил Немахов коллегу, когда тот вошел в ординаторскую.

– Слушай, не то слово! Женат я, и жену люблю, но на эту как гляну, прямо сердце останавливается! Красива, как богиня! Никогда таких раньше не встречал! И, как будто, свет от неё исходит, вроде нимба, точно!

– Да... это верно. Наш Коревалов, на что уже седьмой десяток разменял, а тоже стойку делает. И, знаешь что? Люди в её присутствии добреют, лучше становятся. Понаблюдай – сам увидишь!

...Блины надо есть вот так, сударь: намазать черную икру, сметану, свернуть трубочкой и... Но сначала – водочки! ... Не кривите губы, Портос, небось, в походе на Ла-Рошель ещё и не такую гадость едали!

Глава четвертая

Летний тихий вечер опустился на Москву, смягчив сумраком острые углы зданий, расцветив город огнями реклам и уличных фонарей. Красный, желтый, зеленый – ритмично подмигивали светофоры. Подростки на лавочках у подъездов бренчали на гитарах и, втихая, отхлебывали портвейн. Где-то задумчиво заливалась гармошка. Люди отдыхали, чтобы завтра с новыми силами строить развитой социализм. Кремлевские рубиновые звёзды, символизируя мудрость Партии, сияли над столицей первого в мире государства рабочих и крестьян... (Ой, чевой-то, занесло меня!)

– Ба! – позвала Тоня из ванной, – Халат забыла взять, принеси, пожалуйста!

Бабулька вошла, держа в руках требуемый предмет одежды. Полюбовалась розово-перламутровым телом внучки.

– Смотри, бабуль, задница толстая, а? – Тоня оттопырила упомянутую часть тела для лучшего обозрения.

– И вовсе нет! – не удержавшись, шлепнула круглую, как... как... (Вот, подсказывает мне знаток предмета, сын Кавказа, в кепке и усах, из-за соседнего столика: – Как пэрсик, да?), сахарную попу баба Даша.

– Ай! А все-таки – толстая!

– Так запишись хоть на танцы! Сразу попа похудеет! Вон, в ДК Железнодорожников, и ездить близко!

Баба Даша считала, что внучке надо чаще бывать на людях. Опять же весело: музыка, танцы, конкурсы, гастроли всякие. И мужчины! Ради Тонечки она даже была согласна оплачивать кружок и наряды из своей невеликой «пенсии».

Идея Тоне понравилась.

– Я буду думать эту мысль, – задумчиво ответила она, надевая халат.

На следующий день Тоня отправилась в Дом Культуры Железнодорожников, записываться в танцевальный кружок. Кружок был хозрасчетный, но платить надо было сущие пустяки: пять рублей в месяц.

Руководитель кружка, симпатичный пожилой дядечка лет сорока с прядью волос, зачесанной поперёк головы от левого уха, чтобы замаскировать лысину, очень обрадовался Тоне.

– Конечно, конечно, милая дама! Разрешите представиться: Эдуард Самсонович Гаврилов, веду секцию латиноамериканских танцев. Вы будете божественно смотреться на высоких каблуках, это я Вам говорю, как специалист! Пойдемте, я познакомлю Вас с коллективом.

Коллектив – два десятка парней и девушек, Тоне понравился. Все были доброжелательные, веселые, красивые. Партнер Валера Тоне сразу пришелся по душе: симпатичный, высокий и мускулистый парень с черными усиками в ниточку, чем-то похожий не то на Лермонтова, не то на индийского артиста Раджа Капура. Под аккомпанемент аккордеона, на котором играла полноватая улыбчивая тетечка – жена Эдуарда, по имени Генриетта, стали разучивать румбу. Тоня схватывала все на лету, другие пары, к немалому удивлению Эдуарда – тоже. Через полчаса он объявил перерыв.

– Ой, девочки! Сегодня так легко было! Прямо наперед знала, как двигаться, ноги сами шевелились! – воскликнула раскрасневшаяся Маша.

– И у меня тоже... И я... – откликнулись несколько голосов.

Никто не подозревал, что в присутствии Тони опыт Эдуарда был доступен им напрямую. Вся моторика и пластика движений сложного танца благодаря прямой связи с его мозгом не нуждалась в нудном разучивании, но становилась неотъемлемой принадлежностью всех

танцоров. Чувство партнера, без которого нет танца, также передавалось непосредственно друг другу, позволяя полное слияние и синхронность движений.

После занятий к Тоне подошла Генриетта.

– Молодец, девочка! Ты просто рождена для танца! Тебе нужно будет купить правильные туфли. Я дам тебе записку к нужному человеку. И ещё, сшей несколько платьев для выступлений. Вот адрес, портниху зовут Шура. Скажешь: от меня. Она возьмет недорого.

Поблагодарив Генриетту, Тоня убежала в душ.

На выходе из раздевалки её, с ещё влажными волосами, уже ждал Валера.

– Я тебя провожу?

Тоне стало приятно. Хороший вежливый парень, заботливый. Почему бы не согласиться? Надо же познакомиться с партнером поближе!

И они под руку пошли к остановке автобуса.

...Как Вы насчет устриц, барон? Человек! Две дюжины устриц и бутылку Шабли урожая 1715 года! ... Их едят – они пицчат, осторожней, Портос!

Глава пятая

День выдался хлопотливый. Было трое новеньких, много процедур, но Тоня справлялась без проблем. После обеда её вызвала к себе заведующая Зинаида Николаевна.

– Что ж, Тоня, работаешь месяц уже. Отзывы о тебе хорошие, и больные тобой довольны: рука, говорят, лёгкая. Как самой-то, нравится у нас работать? – улыбнулась Хирургиня (так её звали за глаза), затягиваясь сигаретой.

– Нравится... – застенчиво потупилась девушка.

– Наташа через месяц в декрет уходит. Со стороны в оперблок брать не хочу. Лучше тебя воспитаем! Не против операционной сестрой стать? Работа ответственная!

– Хочу, конечно хочу, Зинаида Николаевна! – сверкнула улыбкой Тоня.

– Значит, договорились! В среду начнешь Наташе помогать. Инструменты знаешь?

– Знаю, Зинаида Николаевна!

– Молодец! Кстати, и зарплата там повыше... рублей на двадцать. Ну, до свиданья!

– До свиданья, Зинаида Николаевна!

Вечером, не откладывая дела в долгий ящик, Тоня поехала по адресу, который дала Генриетта – заказывать наряды. Ехать было далеко, через пол-Москвы. Вот и нужная дверь. На звонок открыла Шура.

– Здравствуйте, я – Тоня Левченко, от Генриетты.

– Здравствуй, проходи.

Они сели в зале, и Шура показала несколько эскизов, специально разработанных ею для секции латиноамериканских танцев по просьбе Генриетты. Тоня, совершенно очарованная, листала альбом.

– Если можно, я хотела бы вот такое, – показала она на черно-зеленое короткое платье с асимметричным подолом и открытой до середины ягодиц спиной.

– Здесь нужен шелк, – задумчиво ответила Шура, окидывая девушку взглядом мастера, – Другой материал летать не будет, тебе же нужно, чтоб кружилось красиво! А фасончик этот тебе пойдет, точно!

Взяв сантиметр, она быстро сняла мерку.

– А не слишком нескромно? Вся спина ведь голая...

Шура улыбнулась:

– На танцполе надо выглядеть привлекательно, смело и эротично!

– А-а... Понятно...

– Значит, материал твой или мой? По полтора метра черного и зеленого надо!

– Да я не знаю, как его и покупают!

– Значит, сама куплю.

– Только, пожалуйста, сшейте так, чтоб задницу замаскировать, а то слишком толстая отрастилась!

– Девочка, такую мумуню, как твоя, не прятать надо, а носить с гордостью, как орден! Поверь, я-то знаю, что говорю! – рассмеялась Шура.

Тоня с сомнением кивнула.

Операционный блок был «святая святых» хирургического отделения. Стерильное место! Без бахил вход воспрещен. И вдруг: Эй! Вставайте! Напал на нас из-за черных лесов и высоких гор проклятый Микроб – Стафилококк Гноеродный!

Бьются малочисленные санитарочки с тряпками и ведрами, с хлоркой и карболкой, но прорывается враг, устраивает послеоперационные нагноения, от которых даже огромные дозы антибиотиков не помогают!

Встает тогда Старшая Медсестра и кричит: Субботник! Все на борьбу с ненавистным врагом! Нам бы только день простоять, да ночь продержаться, ибо уже спешит нам на помощь Генеральная Дезинфекция! И уже весь персонал хватает тряпки и ведра и вылизывает оперблок до скрипа и блеска...

М-да, проблема... Тоня сильно переживала за больных, да и за хирургов тоже, потому что за осложнения им была нахлобучка.

Месяц стажировки пролетел быстро. Суровая Наташа иногда покрикивала на ученицу, но была ей в целом довольна: смышленная, расторопная, аккуратная, чистюля. Ушла в декрет со спокойной душой: в надежные руки отдала хозяйство!

Впервые оставшись в оперблоке в одиночку, Тоня помечтала, как было бы замечательно, если бы все микробы в операционной сдохли. Не успела она додумать эту мысль, как вокруг её тела появилось светло-голубое свечение. Оно медленно расширилось, заполняя собой всё помещение, на мгновение вспыхнуло искристым туманом... и исчезло! Тоня только ресницами похлопала от удивления.

Вскоре пришла лаборантка Каримовна из Санэпидстанции.

– Здравствуй, девонька! Ты, говорят, здесь новая хозяйка?

– Так точно! – отковыряла Тоня пионерским салютом.

– Смывы буду брать на стерильность.

– Берите, раз надо!

Каримовна взяла смывы, собрала свои банки и пробирки в контейнер и ушла. Смывы ничего не показали: ни один, самый заваливающий микроб не вырос на питательных средах! Завлаб сторяча заподозрил Каримовну в невыполнении задания:

– Что, поленилась до оперблока дойти? В гастрономе, говорят, кур давали. Взяла себе отпуск на часок, да? А мне стерильные пустые пробирки подсунула?

Тётка Каримовна обиделась, и простыми, древними словами объяснила, куда ему нужно пойти, за что подержаться и что съесть, чтобы убедиться в её, Каримовны, добросовестности. Слава Аллаху, двадцать лет работает, и ни одного замечания! А что касается кур, то не ему бы говорить, и не ей бы слушать! Она за тех кур свои кровные деньги платила, хоть и без очереди взяла через задний проход, а он, хищник, вообще бесплатно взял, для анализов, как бы!

В тот день Тоня помогала на трех операциях. Ни у одного прооперированного осложнения в последствии не было.

Настало время первого конкурсного выступления! Тоня очень волновалась, хотя и Эдуард, и Генриетта уверяли, что танцует она отлично. Переодевшись, они с Валерой стояли за кулисами и смотрели в дырочку в занавесе. Зал был полон, и где-то там сидели баба Даша и Валерина мама, а также Шура и Олечка. Шура очень хотела посмотреть на платье в движении, а Олечку она взяла для компании.

С Валерой у Тони сложились хорошие товарищеские отношения. С ним было интересно, он всегда провожал её после танцев, рассказывал смешные истории. Но не пытался ухаживать, или, там, лезть с руками. Партнер – и всё! Тоня была очень этим довольна.

Наконец, объявили их выход. Оркестр заиграл вступление, и Тоня, на во-от таких шпильках, в изумрудно-черном платье, с Валерой, одетым во что-то строгое, серебристо-черное, пируэтом ворвались на сцену! Зал замер, потом раздалось громкое: А-а-ах! Пара была изумительно красивая. Забыв обо всем, кроме танца, Тоня летала в Валериных руках. Платье кру-

жилось, взлетало и опадало, провоцирующе открывая и вновь маскируя стройные ноги. Казалось, что оно танцует свой, особый танец.

Олечка кусала ногти от зависти: ей бы такие ноги! Её фигура была далека от идеальной: тяжеловатая, на грани отвисания грудь, коротковатые полные ноги. Ещё отравляли жизнь заметные усики – наследство армянских предков, и прыщи, периодически вылезающие на лбу. Ей пришло в голову, что если Алешка увидит эту танцорку, то упадет на неё непременно! А такая возможность была, ведь она у тети Шуры платье шила! От этой жуткой мысли у неё даже пальцы на ногах скрючило!!!

Народ, тем временем, вошел в экстаз. Кто-то рвал на себе рубаху. У одного дядьки в третьем ряду пошла кровь из носа, но он этого даже не заметил. Баба Даша едва не описалась от переполнявших её чувств и чая с лимоном. Зал уже ревел от восторга, заглушая музыку. В конце Тоня глубоко откинулась на руку Валеры, касаясь волосами пола. Правая нога её была устремлена в зенит! Оба замерли с последним тактом. Аплодисменты, аплодисменты! Овация! Счастливые и покрасневшиеся, ребята убежали за кулисы. Эдуард едва не задушил их в объятиях:

– Успех, какой успех! Я знал, я верил! – вопил он.

Зал продолжал грохотать в ладоши. Пришлось выйти ещё раз на поклон. К ногам падали букеты. Счастье с большой буквы Сэ!

Позже жюри объявило итоги. Тоня с Валерой заняли второе место на межрайонном конкурсе танцевальных коллективов Москвы. Для новичков это было очень высоко!

– А знаешь, почему первое место ДК Горбунова взял? – хитро прищурился Эдуард, идя с супругой домой.

– Почему, Эдя?

– В Тоньке перца нет. Ну, не эротично она выступала. Изображать может эротику, а чувствовать – нет! А у Горбушки девка хоть и не такая видная, зато сексуальная до порочности! Вот и... ага!

– Эдя! Тоня девочка ещё! У неё все впереди!

– В девятнадцать-то лет?! Да ты што-о-о!

– А вот представь себе!

Дома Тоня озабоченно обмеряла себя сантиметром: противная жопа никак не хотела худеть!

На этом месте Автор прервется: принесли заказанного жареного гуся.

Человек! Ещё бургундского! ... Портос, пожалуйста, возьмите штопор, не отбивайте горлышко!

Прошло ещё две недели. В ординаторской хирурги пили чай.

– Заметил, Володя, что, с тех пор, как Тонечка в оперблок пришла, нагноений не стало?

– А ведь, точно! И у меня такое чувство, Николай Николаич, что она вообще помогает. Уверенности, что ли добавляет... Не знаю даже, как объяснить... Ну, вот, делал позавчера холецистотомию (удаление желчного пузыря, прим. Автора), а там все в спайках, обычно часа два провозился бы, а тут глянул на часы – всего сорок минут! Прямо как будто мне другие пальцы и мозги пришили! Такие вещи вспоминались, каких я сроду не знал.

Коревалов моргнул.

– И у меня было! Засомневался однажды, каким доступом идти, и вдруг – щелк! Как бы, подсказал кто-то!

Вошла Зинаида Николаевна.

– Водохлёбы! Пойдемте уже, там по Скорой больного привезли. Сережа смотрел – не разобрался. Консилиум надо!

В приемном покое все четверо осмотрели вновь поступившего. Случай, действительно, был сложный, а состояние – тяжелое. Решать надо было быстро. И тут все почувствовали, что они думают вместе! Энциклопедические знания Хирургини, опыт Коревалова, хирурга с ещё военным стажем, исследовательский ум Немахова, клиническое мышление и непредвзятость отличника Сережи Голицына, работающего самостоятельно первый год – все это чудесным образом стало доступно каждому из них и всем вместе. Это не было чтением мыслей на расстоянии, это было что-то другое. Автор назвал бы это свободным доступом к интеллекту коллег.

Диагноз и план операции были готовы в несколько коротких минут.

– Прямо небывалое что-то! Я как бы вас всех насквозь видела, и брала, что хотела! – пробормотала несколько растерянно завотделением.

– И я... тоже самое... – откликнулся Голицын, потирая лоб.

Немахов и Коревалов только переглянулись. А Тоня, собирая инструменты, радовалась за больного. Это по её неосознанному желанию создалась эта интеллектуальная связь.

...Михаил Самуэлевич! Окажите честь, присядьте к нашему столику! Нам как раз гуся принесли! Вам что: ножку, крылышко? ... Барон, закажите шампанского! Это же сам Паниковский!

Глава шестая

Предстояло через месяц выступать на открытом первенстве Москвы. Нужны были новые туфли и новое платье, и Тоня снова поехала к Шуре. На этот раз они решили шить ярко-красное платье с золотой отделкой. Договорившись обо всем и оставив задаток, Тоня собралась уже уходить, но в прихожей столкнулась с Алексеем и Ольгой. Знакомясь, Алеша задержал Тонину руку в своей дольше, чем прилично, и лицо его сделалось растеряннo-глуповатым. Олечка заметила все это и помертвела. Всё-таки эта белобрысая толстожопая овца на ходулях попала на глаза Алеше, ЕЁ Алеше! Нагрянул враг, откуда не ждали!

«Пусть только дернется на него, бельмы повыщарапываю! Кислотой харю оболью! Бритвой сиськи искромсаю!» – смятенно ревновала она.

Тоня ушла не задерживаясь, но ущерб уже был нанесен. Сидя в Алешиной комнате, Олечка чувствовала, что теряет женишка, на уловление которого было угрождено столько времени. Весь, понимаешь, из себя задумчивый, отвечает невпопад. Что делать-то, люди! Она искоса посмотрела на Алексея. Как он прекрасен! Как артист Ален Делон, только мускулатуристей! Выпускать его, закогтив так удачно, нельзя.

Есть, конечно, способ... Но это – последний резерв, вводить его в бой было крайнее средство! Но придется, ибо операция «Замужество» внезапно оказалась на грани провала. То есть, надо ДАТЬ! По-настоящему. И без двухкопеечного изделия из резины! Пальчиками, как прежде, уже не отделаешься... А потом поплакать: сорвал, мол, цветок, добился своего... Кому я, такая, теперь нужна... Обесчещеная, опозоренная... А вдруг, дескать, ребеночек будет? ... Беременность: кстати, это мысль! ... Тете Шуре рассказать, заступится. И женится, как миленький! Только нужно все делать быстро, прямо сейчас, чтоб сразу глупости из головы выпали.

Проверив, хорошо ли закрыта дверь, ласковой кошечкой присела к парню на колени. Он все ещё был какой-то заторможенный. Ничего! Сейчас раскогегарится! Обхватив руками за шею, воткнула язык в ухо. Подействовало! Поцеловал, хотя и вяло. Ну, держись! Ловко растегнула рубашку, царапнула ногтями по груди. Как бы ненароком спустила бретельку лифчика. Ага, задышал! И твердость приятная в штанах под рукой ощутилась! Привстав, быстро стянула с себя сарафан, оставшись в трусиках. Лифчик уже был растегнут. Руки Алеши скользнули по бедрам, трусики поползли вниз. Нетерпеливо стащила с него рубашку, обрывая пуговицы. Откинулась на спину на софе, зажмурила глаза. Пусть сам, не маленький! Вот, его тело накрыло её. Он обнажен! Ну, ну! Давай дальше! Целует, целует... Как бы ему подсказать, что МОЖНО! Крепко обхватив за шею, раздвинула ноги как могла широко. Ну, же! Вводи! О-о, наконец-то, решился! ... Эй! Что-то не так! Ой! Больно! Ай! Что-то мешает...

Алексей, тяжело дыша, сполз с Ольги.

– Я не могу... Не могу войти, слишком... крепко заперто.

И тут до Олечки дошло! Вспомнился профосмотр у гинеколога:

– Все у тебя в порядке, Саркисова, только девственная плева толстая, и не одно отверстие, а несколько маленьких. В брачную ночь проблемы могут быть! Если что, приходи, разрежем. А тебе справку дадим, мол, девственность утратила хирургическим путем! – гнусно ухмыляясь, вещала врача.

Накаркала, жаба бородавчатая! Положение было совершенно дурацкое. Прямо сейчас ведь на операцию не побежишь! А дать надо – сейчас! Хоть бери отвертку и расковыривай!

Алексей наклонился к ней, провел ладонью по груди.

– Оль... сделай, как раньше, а?

Ну, вот! Хотела, как надо, а приходится – как всегда! Привычно нащупала опавший слегка Алешкин предмет мужской гордости, нежно поиграла пальчиками, поцеловала. Обычно этого было достаточно, чтобы он разгрузился и выдал фонтанчик, но сегодня он крепко нада-

вил ей на затылок и придержал. Вырваться сейчас означало все испортить насовсем... Пришлось завершать начатое.

Все вышло даже лучше, чем она ожидала. Чувство полного обладания мужчинкой (он сейчас мой, только мой!) триумфально стучало в висках. Сам процесс ей неожиданно понравился, приятно возбудил, теплом растекся в низу живота... Когда она подняла голову, Алеша смотрел на неё такими сияющими глазами, что она поняла: битва выиграна! После сегодняшнего вечера он и смотреть ни на кого, кроме неё не захочет!

– Олечка, милая, ты – чудо! – прошептал Алеша, легко лаская её.

Удовлетворенно вздохнув, она замерла в его объятиях.

После чая с плюшками, поболтав немного с дядей Яшей и Шурой, она собралась уходить, но неожиданно почувствовала, что хочет прямо сейчас ещё раз испытать сладкое чувство оргазма.

– Алеш, чуть не забыла, я там, в конспекте, не все поняла... – она показала глазами на дверь его комнаты.

Когда за ними закрылась дверь, Оля, не мешкая, опустилась на колени и расстегнула молнию на джинсах Алексея...

Когда он проводил её домой, и целовал на прощание уже перед самой дверью, она снова ощутила в себе желание. Было уже поздно, родители наверняка спали. Что, если...?

На цыпочках они прокрались в темную квартиру, ощупью прокрались в Олину комнату. Нетерпеливо разделись и устроились на её девичьей узкой кровати. Не сговариваясь, в позицию 69... Вот, сейчас, сейчас, СЕЙЧА-А-АС!

Свет! Пронзительно яркий! И мама-папа в дверях! Ольга резко подняла голову, но было уже поздно: произошел залп, который невозможно остановить!

При взгляде на родителей Олечка чуть не рассмеялась: мама в халате и бигудях стояла с раскрытым ртом и распахнутыми шире некуда глазами. Брови на жирном от крема лбу ползли вверх. Стояла она, почему-то, на одной ноге, поджимая другую. Девушка перевела взгляд на отца и смеяться сразу расхотелось. Изумление на лице полковника Воздушно-Десантных Войск, одетого в семейные трусы и тельняшку, быстро сменялось на тяжелый прищур вкупе с каменными желваками, зашевелившимися на щеках. Огромные кулаки сжались так, что побелели костяшки.

– Та-ак! – протянул он тихим, но очень жутким голосом, – Ну-ка, орёлик... Ага!

Угадай, Читатель, что собирался сделать с Соблазнителем Любимой и Единственной дочери полковник-десантник, человек весьма консервативных взглядов и суровых армейских привычек? Да ещё заставший его в такой интересный момент, торжествующе пульсирующим, извергающим Влагу Жизни могучим фонтаном на глазах у изумленной публики? (Пиша... писа... Люди! Как правильно-то!?... Написуя эти слова с заглавных букв, Автор хотел подчеркнуть драматичность момента! Напоминаю также, что в 1976 году еще сильны были всякие пережитки прошлого, а сексуальная революция в СССР ещё не произошла!)

Жалкая жизнь в инвалидном кресле парню никак не импонировала!

Алексей быстро сел на кровати.

– Фёдор Кузьмич, Наталья Всеволодовна! Мы вот, с Олечкой, встречались-встречались... любим друг-друга... сильно... да... и вот, сейчас решили пожениться! Мои папа и мама согласны. А вы?

Мать невесты пришла в себя первая. Окинув одобрительным взглядом ладную обнаженную фигуру почти уже зятя, она ткнула остреньким кулачком в поясницу мужа, повыше сползающих семейных трусов.

– Мы согласны! – возвестила она ликующим голосом за обоих, и выскочила, чтобы вернуться через секунду с иконой Спаса Нерукотворного.

Федор Кузьмич обмяк. Пудовые кулаки разжались, на лице начала расцветать улыбка. Взяв у жены икону, он торжественно благословил дочь и Алешу, которые быстренько завернулись в простыни. Потом обернулся к жене:

– Наташа, собери там чего-нибудь, отметить же надо! А ты, Оля, не стой столбом, бежи, умойся и матери помоги! – и отвесил дочери звонкий шлепок по филейной части.

– Ай! Пуркуа, папá? – притворно возмутилась девушка, подхватывая одежду и устремляясь вслед за матерью.

Дождавшись, когда оденется Алексей, полковник положил ему руку на плечо и задумчиво-проникновенно шепнул:

– А вот за то, что дочку мою пожалел до свадьбы портить, спасибо! Это же какую силу воли надо иметь, чтоб сдержаться, когда девка дает! Молодец, придумал эффективный обходной маневр! Уважаю! А то, ведь, гостям-то, после брачной ночи, простыню показывать положено, на которой молодые ночевали! Ну, пойдем, отпразднуем твоё успешное сватовство!

За столом, после третьей немелкой рюмки армянского коньячку, будущий тесть заявил:

– Ночуй уж сегодня у нас, Алешенька! Поздно уже, метро вот-вот закроют. Я родителям позвонил, они не против.

Помолчав, добавил:

– Паспорт у тебя с собой... Завтра схожу с вами, бестолковыми, в ЗАГС, прослежу, чтоб не напутали чего, заявление подавая! Договорюсь, опять же, чтоб побыстрее... Чего тянуть-то?

Олечка ликовала. Алексею после коньяку уже было все по фигу.

Вскоре все улеглись. Алеше, ради соблюдения приличий, постелили в зале на раскладушке. Он, от утомления, фейерверка эмоций и коньяка, уснул мгновенно. Ольга, свернувшись калачиком в своей постели и понюхав подушку, хранившую запах любимого, тоже постепенно погружалась в счастливый сон. Саркисовы старшие удалились в спальню и долго ворочались. К ним сон, почему-то, не шел. Наконец Наталья Всеволодовна, вдохновленная примером дочери, решилась.

– Федя, – дотронулась она до плеча мужа, – знаешь, я хочу... – и прошептала свою просьбу на ухо.

– Да ты же никогда раньше этого не делала! – удивился необычности просьбы полковник.

– А сейчас – хочу! Лучше поздно, чем никогда! Ну, пожалуйста! ... И для кожи... это полезно... от мо'щин... – она уже начала действовать.

Федор Кузьмич пожал плечами, расслабился и получил удовольствие.

– Шура! Ты где? – воззвал дядя Яша утром, хромя по квартире в одних трусах.

– Здеся! – раздался приглушенный голос жены.

– Здеся большая! Иди, слушай, сюда, чего скажу!

Новость, сообщенная по телефону Саркисовым едва не в час ночи, бурлила и требовала выхода, катаясь леденцом на языке. Добудиться Шуры ночью было невозможно, пришлось ждать до утра. Но дядя Яша уснул, а Шура встала раньше его.

– Ну, вот она, я! – появилась она из кладовки.

Дядя Яша встал в позу герольда, объявляющего новости на площади:

– Наш сын, Алексей Яковлевич Соколов...

– Что!? Что с Алешей?! – побледнела Шура, хватаясь за сердце.

– Тьфу ты! Испортила! Дай договорить-то! ... Сделал Предложение Руки и Сердца девице Ольге Федоровне Саркисовой! И Предложение принято!

Шура зарыдала, припав головой к мужниной груди.

– Эй! Ты чего? Да не реви, глупая ты баба! Радоваться надо! – растерянно, сбивчиво бормотал дядя Яша, глядя жену по голове.

– Сам дурак! Я от радости и плачу!

Отерла слезы, улыбнулась:

– Откуда ты знаешь, в такую рань? И Алешки дома нет!

– Оттуда! Федор вечером позвонил! Заходим, говорит, случайно, в комнату дочери, а они там целуются. Алёшка их с Натальей увидел и сразу объявляет: как кстати вы зашли, давно хотел сказать, что люблю, мол, вашу дочь, жениться хочу! Ну, согласились, куда ж деваться!

– Да, что ж ты сразу мне не сказал, Яков!

– Так, ведь спала ты! Не добудишься!

– Ага, добудиться не смог! Когда тебе надо, всегда расшевелишь и добудишься! А тут не смог!

Помолчав немного, Шура спросила:

– А когда?

– Сегодня пойдут заявление подавать. Три месяца ждать... Под Новый Год, или сразу после, на каникулах.

...А как Вы думаете, дорогой Портос, не спеть ли нам? Вот эту, боевую:

Наши жены – пушки заряжены,

Вот, кто наши жены!

...Да, согласен, жена-пушка – это для экстремала.

Глава седьмая

Полковник Минеев снял очки, вытер платком мокрое от пота лицо и шею. Конец сентября, а жара стоит тропическая: 29 градусов в тени! И эти идиоты уже начали отопительный сезон, до раскаленных батарей не дотронешься! Эх, сейчас бы на дачу, сесть на веранде, пивка холодненького похлебать... В прошлые выходные на станции мужик отличных раков продавал... По пять рублей... А в прошлую субботу можно было взять даже по три, но маленьких... Если раков, да живьем в кипятке, да лаврушки, да перца черного побольше, а потом полить маслом растопленным, с чесночком! Язык проглотишь, м-м! Но, увы! На часах ещё только вторник...

Вздохнув и сглотнув слюну, он вернулся к чтению письма, пересланного в КГБ из отделения милиции №362, поскольку там (в письме, а не в отделении!) упоминались шпиёны в тёмных очках, вредители-расхитители, а также прочая контра Баба Настя, путавшаяся в 1916 году с антисоветским князем:

«... А исчо медецынская сестра А. Левченко колдуит и делает эликтричество. Сама видила как она синий туман пускает а он искрами. Я спрятавшись была а мене она не видила так тем туманом эликтрическим взпыхнуло и мене брови апалило и потом ишо долго эликтричеством воняло и волосом паленым...»

Письмо в органы было криком души пьющей санитарки Ульяны Тереховой, забравшейся в оперблок рано утром, чтобы скоммуниздить немножко спирта на опохмелку. Несправедливо, по её мнению, уволенная с любимой работы по оговору (на самом деле – за пьянку!), где она была и сыта и пьяна (продуктов от больных остается много, а спирт можно завсегда стырить или выклянчить), Ульяна всех в письме поливала грязью, требовала возмездия и восстановления на работе.

Отложив письмо, полковник задумался. Делает электричество? Колдует? Маловероятно, г-м... Но, тем не менее, проверить бы надо. Или сразу спихнуть эту Левченко Лукину?

Решив не торопиться, затребовал всю информацию по гражданке Левченко Антонине Георгиевне, 1957 года рождения, уроженке г. Москвы, проживающей по адресу... Затем, умирая от жары, стал дожидаться конца рабочего дня, занимаясь всякими мелкими и незначительными делами.

Платье получилось роскошное: ярко-алое с золотом, свободного покроя, как туника, оно открывало плечи и грудь, спадая классическими складками до середины бедер. Даже при медленном движении оно напоминало язык пламени.

– Ой, тетя Шура! Прямо ни в сказке сказать, ни вырубить топором! – восхищалась Тоня. Баба Даша плакала от восторга.

– Носи, Тонечка, на здоровье и на удачу! Я на твоё выступление обязательно приду, не сомневайся! – Шура аккуратно свернула шелк и подала невесомый пакетик девушке.

Расцеловав её и омочив слезами, бабушка и внучка отбыли восвояси. Через два дня, в субботу, что-то будет! Открытое первенство Москвы – это не шутка.

С утра в пятницу термометр показывал всего 20 градусов. Уже можно жить!

Полковник Минеев, бодрый после утренней пробежки и ледяного душа, вошел в свой кабинет, сердечно поздоровался с секретаршей Леночкой, привычно ощутив хозяйской рукой отсутствие трусиков под короткой форменной юбкой. Сел в кресло, ослабил галстук. На столе уже лежала папка со справкой о Левченко. Закурив первую утреннюю сигарету, открыл. Сразу же поперхнулся дымом, закашлялся: с маленькой фотографии три на четыре на него смотрела такая красавица, что аж ноги похолодели, а в голове на миг помutilись мысли.

Встряхнулся всем телом, пришел в себя. Это где же таких делают... и чем? Сосредоточился, стал читать. Москвичка... русская... комсомолка... сирота, живет с бабкой... школа, медучилище... работает... так, в больнице... участковым характеризуется положительно... занимается танцами, завтра выступает на первенстве Москвы. Ничего по теме колдовства! Ещё раз посмотрел на фотографию, покачал головой. Закурил новую сигарету, посидел, барабанил пальцами по столешнице. Вызвал Леночку.

– Да, Николай Дмитрич?

– Завтра предстоит важная операция. Нужно обеспечить два билета на открытое первенство Москвы по латино-американским танцам. Будешь меня прикрывать!

Леночка вытянулась по стойке смирно и, выпучив глаза, по уставному рявкнула:

– Есть!

– Кру-у... гом! Шаго-ом... арш!

Жена Минеева, Харитина Ипатовна, была человеком тяжелым. И характер у неё был тяжелый, что усугублялось беременностью. Первой, в тридцать девять лет! Но папа – генерал-лейтенант, начальник управления! Потому и женился, собственно, хотя личная жизнь с Харитиной была далеко не мёд. Она была капризна, злопамятна, мелочна и ревнива, как бритва. Полковник и раньше отдыхал от неё с Леночкой. А тут можно было совместить приятное с полезным, то-есть: посмотреть на объект во время танцевального конкурса. А жену с утра отправить на дачу.

Концертный зал гостиницы «Россия» ломился от публики. Лишний билетик стреляли уже около метро. Телевизионщики хлопотливо устанавливали свою аппаратуру. Эдуард Самсоныч, мечась между ребятами, давал последние наставления:

– Машенька, ты, когда будет уже трам-там-ти-ти-ти, не забудь: голову выше, и рукой – вот так! ... Витя, подбери живот, горе моё! ... Валера... Валера! В финале Тонечку держи на секунду дольше, музыка позволяет. Тонечка, не мандражируй, я в тебя верю! ... Ну! Началось! Кавалеры приглашают дам, там, где брошка, то перед...

Тоня обмахивалась платком, действительно, чувствуя немалое возбуждение. Прозвенел третий звонок.

Конкурс был волшебным карнавалом, праздником молодости, музыки, красоты и ярких нарядов. Минеев с Леночкой сидели в четвертом ряду партера. Сначала шли выступления отдельных пар. Когда на сцене появились Тоня и Валера, полковник испугался, что у него остановится сердце. Тоня была (Автор не побоится этого слова!) божественно прекрасна! Прическа и умело наложенный грим подчеркивали совершенные черты её лица, а алое с золотом платье, порхающее огоньком пламени, затейливо драпировало фигуру, при взгляде на которую можно было сойти с ума, что многие мужчины в зале и сделали немедленно, в той или иной форме. Они краснели, синели и желтели, как цветомузыкальная установка. Один сломал зуб, грызя ногти. У двоих пошла пена изо рта. Пятеро потеряли сознание, так как забыли дышать. Порванных рубашек и вырванных волос было не счесть. Вулкан извергшийся! Землетрясение! Цунами! На всё это одновременно был похож зрительный зал. Когда музыка стихла и пара сделала публике комплимент, полковник обнаружил, что прокусил губу до крови, а судорожно сжатые кулаки оставили на ладонях полукруглые ранки от ногтей. С горечью подумал он, что ему уже сорок восемь, что развестись с женой совершенно невозможно, что, даже будь он холост, эта богиня не удостоила бы его и взглядом. Вспомнились слова из популярной песни: ... Я готов целовать песок, по которому ты ходила...

Не обращая внимания на руку Леночки, провоцирующе лежащую на его бедре, решил вызвать гражданку Левченко для беседы. Насчет электричества и вообще...

Конкурс шел своим чередом. Кружились пары, гремела румба и самба, пахло духами и молодым потом.

Тоню и Валеру все увидели ещё раз во время синхронного выступления всего коллектива. Полковнику опять поплохело, но уже не так сильно.

По итогам конкурса, коллектив ДК Железнодорожников занял первое место в синхронном танце (заслуга Тони, все двигались слаженно, чувствуя друг-друга напрямую). Тоня и Валера заняли второе место в индивидуальном зачете!

Эдуард Самсоныч на радостях выпил много коньяку, сделался пьяный и лез ко всем целоваться.

В понедельник, придя на службу (наконец-то установилась нормальная погода, приятные 15 градусов!), Минеев, прежде, чем заняться делами, перебрал в памяти выходные. Субботний вечер: ресторан «Арагви» с Леночкой и её подругой Стеллой (отдельный кабинет!). Девушки старались изо всех сил, помогая снять напряжение после трудовой недели. Отвлекли даже от ранящих душу воспоминаний о красавице с конкурса. Затем, уже за полночь – поездка на дачу. Там все прошло гладко: так, обычные мелкие придирки, почему, мол, поздно, да почему духами пахнешь и коньяком... Сделал значительное лицо, объяснил, что брали шайку диссидентов. И диссиденток! Лично их вязал! Отсюда запах духов, а коньяк выпил, чтобы снять стресс после операции: пуля в сантиметре от виска пролетела!

Хуже было потом, когда легли на супружеское ложе. Жена вдруг пришла в игривое настроение, а у бравого полковника, свежеконтуженного вражьей пулей (а, попросту говоря, после трех заплывов с Леночкой и Стеллочкой), произошел отказ оборудования: не встал, значит.

– Пойми, Харичка, я так выматываюсь на работе. Давай завтра, а?

– А я хочу сейчас, хочу, хочу! – навалившись своим грузным телом на мужа и больно дергая его за... г-м... истощенные части тела, капризничала Харитина Ипатовна.

Только через полчаса полковник смог героически мобилизовать скрытые резервы организма, выпив изрядную дозу зверобоя на самогонке и представив на месте супруги Тоню (вот ведь, гад!). Секс с женой не доставил удовольствия, так как кончить не смог, как ни старался. Пришлось имитировать оргазм. Довольная Харитина вскоре уснула.

В воскресенье просто отдыхал: съездил на велосипеде на речку, искупался в холоднющей воде, купил на обратном пути на станции ведерко раков. После обеда до самого вечера пили чешское пиво с соседом-астрономом. Раки удались на отлично! Сосед рассказал несколько новых антисоветских анекдотов, перед каждым уточняя: одна вражеская сволочь насильно сказала.

В общем, настроение было отличное, несмотря на легкий сушняк после пива. На два часа была вызвана повесткой гражданка Левченко. На всякий случай пригласил поучаствовать в беседе и Лукина.

В десять ноль-ноль в дверь просунулась Леночка:

– К Вам Ипат Спиридонович, Николай Дмитрич! Сказал, прямо сейчас зайдет!

Минеев похолодел. В животе кишки затрубили марш. Визит тестя мог означать только одно: провал в тщательно законспирированной личной жизни. Во всех других случаях вызвал бы к себе, старый хрен.

Дверь распахнулась, и кабинет ввалился генерал-лейтенант Млын. Был он, несмотря на свои семьдесят пять, высок и крепок, как дуб. Грубое лицо было растянуто в сладенькой улыбке.

– Здорово, Мыкола! – гаркнул он с порога.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! – рявкнул, встав по стойке смирно Минеев.

Тот сел в кресло для посетителей. Полковник продолжал стоять.

– А Расскажи мени, будь ласков, що то за операцию з диссидентами ты у субботу зробыл без моего ведома? Харитиначка казала: за пивничь приихал, пулею був контужен. Як воно, здоровья, а?

– Так, Ипат Спиридоныч, соврал я ей... В преферанс поехал играть, а она этого не любит. Вот и решил схитрить, – покаянно повесил голову неверный муж.

– Ну! И як, богато грошей отримав?

– Восемь рублей сорок копеек! – не моргнув, быстро ответил якобы картежник, решив, что пронесло.

– Гарно, гарно... А вот, зараз подывысь на партнёрів, – генерал швырнул на стол пачку фотографий.

У полковника подкосились ноги. Вот он, со спущенными брюками, употребляет голенькую Стеллочку, перегнув её через подлокотник мягкого кресла, вот Леночка вдвоем с подругой совместно обрабатывают хохочущими ртами распростертое на кушетке тело, его тело, в самом интимном месте. Это был конец. Это была его смерть, увидь это жена.

– Ну шо, Мыкола, мени с тобой робыть? – риторически спросил генерал, чьим именем до сих пор пугали маленьких детей в Литве и на Западной Украине.

Помолчав секунду, перешел на русский. Это означало, что гроза проходит стороной.

– Я, конечно, вывел бы тебя в чисто поле, поставил бы мордой к стенке, да пустил пулю в лоб двумя очередями, но дочку вдовой оставлять неохота. Но больше не шали! Все равно узнаю. И тогда тебе, зятюшка любезный, Колыма раем покажется. Секретутку твою я переведу от греха подальше, скажем, в... Воронеж. Чаше будешь своё поле окучивать – глядишь и окрепнет семья! А то Харитиначка жаловалась, что ты с ней последнее время суховат стал и неласков. Нихт гут!

Улыбнулся одними губами, но глаза были беспощадные, как обрез двустволки. Быстро, по молодому, встал, и не прощаясь, вышел.

Хватая ртом воздух, Минеев рухнул в кресло. Сердце колотилось, как чижик-пыжик о стекло аквариума. Трясущейся рукой нажал кнопку вызова секретарши. Вошла Глафира Трофимовна, секретарша Млына, тетка под шестьдесят, плоская, как доска, и уродливая, как грех. Старший прапорщик, в прошлом – член расстрельной бригады.

– Здравствуйте, Николай Дмитриевич! Теперь я – Ваш секретарь, Ипат Спиридонович уговорил.

Ещё и это! Такую даже по пьянке не возжелаешь!

– Валерьянки... принесите... – слабым голосом попросил отныне самый верный в мире муж.

Он знал, что второго предупреждения не будет, и тесть может его сослать, посадить, искалечить, убить до смерти по одному слову любимой дочурки. Придется привыкать жить по-новому, скучно и уныло, на коротком поводке... Бли-ин!

Тоня пришла на Лубянку ровно без пяти два. Повестка сильно удивила, так как ничего такого, шпионского или антисоветского, она за собой не помнила. Но раз вызывают...

Её проводили в нужный кабинет. Пожилая симпатичная секретарша прочитала повестку, глянула паспорт.

– К Вам Левченко, Николай Дмитриевич! – проговорила она в интерком.

– Пусть войдет! – последовал незамедлительный ответ.

Тоня вошла. В кабинете было два мужчины под пятьдесят в строгих костюмах. Один за столом, другой на стуле, рядом.

– Здравствуйте! – с улыбкой приветствовала их она, не подозревая, что её улыбка сразила сих джэнтльменов наповал, как пуля или молния, в самую середину.

Слегка помешкав, они ответили на приветствие и представились, только Тоня их имена не запомнила, очень уж волновалась.

– Как живется, Антонина Георгиевна? На работе Вас хвалят. И танцуете прекрасно, я в субботу на конкурсе был. Почему второе место, кстати? – задал вопрос хозяин кабинета.

Тоня слегка растерялась. Неужели вызвали поговорить о танцах? Потому, что в Хельсинки, на международный конкурс ехать?

– Так ведь Синюхова с Гавриловым уже пять лет танцуют, а мы с Валерой только три месяца... У них техника сильнее...

– Ну, техника, может, и сильнее... только в Вас такая энергия, прямо электричество так и брызжет!

По тому, как дернулась и побледнела девушка, Минеев понял, что заход сделан грамотно, и сразу развил успех.

– Нам все известно! – наклонившись вперед и сверля Тоню взглядом, резко выдохнул он, – Но лучше будет, если всё сама подробно расскажешь! Для тебя лучше!

На длинных ресницах прекрасных синих глазах появились слезинки.

– Я не виновата... Он хотел меня... изнасиловать... не знаю, что это было... синее такое... Ему вдруг ножик расплавил и пальцы сожгло... и пенис...

Лукин и Минеев потрясенно переглянулись. Как говорится, не было ни гроша, да вдруг – алтын!

Лукин быстро налил в стакан воды и подал Тоне.

– Выпейте, успокойтесь, и расскажите подробно! Мы во всем разберемся.

Тоня выпила воды, промокнула платочком потекшую тушь, и подробно описала тот майский день, начиная со взрыва шаровой молнии в электричке. Когда она рассказывала про купание в бассейне и дурачества с Верочкой (тут она смягчила), Минеев, представив себе эту сцену своим живым воображением, едва не потерял сознание. Когда он снова овладел собой, в трусах было мокро. Во время рассказа о насильнике, которому таинственный синий луч расплавил в долю секунды складной нож и пережег пополам член, оба офицера сидели с раззявленными ртами.

– Он убежал, а я пошла в дом. Мне было лихо: сильно испугалась, – закончила свою повесть Тоня.

Наступила долгая пауза. Переварить рассказанное было непросто.

– Мы все тщательно проверим, – протянул Минеев, – и сделаем нужные выводы.

Проверить, действительно, было несложно. Начать со Скорой Помощи, они же выезжали к покалеченному, и милиция тоже...

– А можете показать нам, как Вы производите электричество? – возбужденно наклонился к Тоне Лукин.

Та протянула руку. Через мгновение на ладони возник маленький, с вишню, голубой прозрачный шарик, медленно вращающийся по часовой стрелке. Запахло озоном. Затем шарик стал расти. Лукин резко отодвинулся. Шарик исчез. Мужчины синхронным движением вытерли со лбов обильный холодный пот.

– Что ж, Николай Дмитрич, я её забираю к себе. Спасибо, уважил! – протянул руку Лукин после краткой заминки.

– З-забирай... – пожал протянутую руку Минеев, чувствуя огромное облегчение и, одновременно грусть.

Жаль, что больше не увидит эту красоту, но работать с ней... б-rr! Страшно! Как только Лукин не боится?

– Куда... забираете? – пролепетала Тоня, представив, что её сейчас посадят в тюрьму.

– Вы, Тонечка, представляете огромный интерес для науки и безопасности государства. Мы будем исследовать Ваш феномен. Жить вы будете, по крайней мере, некоторое время в...

санатории. Мы все устроим на работе и объясним бабушке. Вы ни в чем не будете нуждаться, наденете погоны: лейтенант госбезопасности, звучит, а? Офицерский паёк, длинный отпуск, бесплатные санатории, большая зарплата! Ну, согласны?

– Н-нет...

– Но почему? Что не так? Разве лучше пахать медсестрой за копейки?

– Лучше... А к вам я не хочу!

– Ну, мы ведь можем и власть употребить! Посидишь, подумаешь... И не таких уговаривали! – рассмеялся Лукин.

Он уже представлял, чего можно достичь с помощью этой красотки, сколько статей написать, да что статей – монографий! А использовать её для выполнения спецзаданий! Тут вообще внеочередным повышением пахнет! Не понимает, дурёха, своего счастья.

Он встал, кивком головы показывая Тоне на дверь.

И тут ей сильно-сильно захотелось, чтобы они всё о ней забыли и не беспокоили больше.

Голубой туман возник из ладоней девушки и начал распространяться, заполняя кабинет. Лукин и Минеев оцепенели, побледнев, как мертвецы, до фиолетового оттенка. Это выглядело, как смерть, непонятная, и оттого ещё более страшная. Они ошиблись. Туман вспыхнул искрами, стирая им часть памяти и магнитную ленту в диктофоне.

Тоня продолжала сидеть, ожидая, что будет дальше.

– Вам что, девушка? – поморщился Минеев. У него было чувство, что посетительница прервала важный разговор с Лукиным.

– Так это... Пропуск подпишите! – нашлась Тоня.

Минеев размашисто расписался. Ему хотелось, чтобы красавица поскорее ушла, а то Глафира ещё доложит тестю. Хорошо, что он не один в кабинете! Но зачем пришел Лукин?

– До свидания! – попрощалась девушка и вышла.

Комитетчики тупо пялились друг на друга.

– Так о чем мы говорили? – прервал молчание хозяин кабинета.

– Ты мне обещал что-то интересное показать... – потер лоб Лукин.

– Показать... показать... – зашарил глазами по сторонам Минеев.

О, вот же!

– Ты такую раньше видел? – показал он коллеге новейшую импортную газовую турбозажигалку на пьезокристалле, искусно выполненную в форме пистолета «Люгер» в натуральную величину, – Попробуй, задуй!

– Вещь, слушай! Откуда?

– Оттуда, брат! – полковник, уже совсем придя в себя, махнул рукой куда-то в сторону заката, – Привезли!

...Милль пardon, Мадам! Я не нарочно, это все гороховый суп, вот и месье Портос подтвердит, он тоже ел... Портос! Портос! Я не имел ввиду такого графического подтверждения... Уф-ф... Человек, противогаз!...

Итак, продолжаю:

Часть третья: Боец

Глава первая

- Сержант Ужас!
- Заминка. Замполит наклоняется к генералу, и на ушко, шепотом:
- Его фамилия Чжао, товарищ генерал-майор.
- Что, нерусский, что ли?
- Китаец, товарищ генерал-майор.
- Г-м, добро... А то тут неразборчиво... Сержант Чжао!
- Я!
- Выйти из строя!
- Есть!
- За мужество и героизм, проявленный во время исполнения ответственного специального задания командования, приказом министра обороны СССР Вы награждаетесь Орденом Красной Звезды. Поздравляю!
- Служу Советскому Союзу! – рука пружинно метнулась к панаме.

Вэнь Чжао Ли, а по русски – Веня, сидел в казарме, наводя последний лоск на дембельский комплект. Оставалось только прибить к укороченным сапогам высокие каблуки на манер ковбойских. Его дембель задержался на полгода, но завтра, по утрянке – домой, в Москву! Паровоз уже разводит пары! Ту-ту-у! Чух-чух-чух!

Вошел Лёнька Фролов, земляк. Вместе завтра в поезде загудим! От Ташкента трое суток до Белокаменной, будет время оттянуться! Он подмигнул другану и негромко запел:

В кабаке перегар стоит винный,
Звук гармошки душевно плывет.
За столом распояской детина,
Водку пьёт и тихонько поет:
Отслужил! Целый, не убитый,
Отслужил! Целый, не убитый,
Отслужил! Еду я домой...

Лёнька присел на койку, потрогал толстенным пальцем Красную Звезду.

- А знаешь ли ты, что раньше Звезда была высшей наградой Родины?
- Это когда же?
- В двадцатых.
- Не, Лёнь, не знал.
- Помолчали.
- Ты сегодня вечером где, Веня?
- Здесь, где же ещё?
- А с Динкой, не пойдешь прощаться, разве?
- Простился уже, и бегунок подписал.
- Оба захохотали. Это была старая хохма.

Татарка Динка была бесплодная вольнонаемная повариха, щедро дарящая свои ласки всем желающим. Все солдатики проходили через её опытные руки... и другие органы. И однажды, когда некто по имени Опанас, а по фамилии Подперигора, солдат-первогодок,

переводился, по высшей мудрости начальства, в другую часть, и ходил везде с обходным листом, замкомвзвода с серьезной рожей спросил его:

– У Динки подписал?

– Ни. А шо, трэба?

– Ну, она тебе давала?

– Так, давала...

– Значит, должен вернуть, и пусть в бегунке распишется, что ничего не должен!

Простодушный Опанас крепко задумался: как вернуть то, что давала ему Динка? Придумал отдать присланным из дому салом, пошел к ней и попросил подписать обходной! Все бойцы чуть не треснули пополам со смеху, когда оскорбленная в лучших своих чувствах повариха-мусульманка гонялась за Опанасом с поленом, вопя:

– Я те покажу, «обходняк подпиши»! Сало поганое сувать вздумал! Я не переститутка, а честная давалка!

Принимая всех желающих, она отчаянно надеялась забеременеть. В результате пяти лет таких титанических усилий у неё, к моменту возвращения ребят, вот уже три недели подрастал рыженький и лопоухий сын полка, похожий точь-в-точь, как все утверждали, на прапорщика Гуреева, завскладом ГСМ. Жена прапора, Алевтина, прознав об этом, отлупила мужа скалкой так, что он неделю прятался в казарме, залечивая свинцовой примочкой и йодом шишки и ссадины, и задумчиво что-то высчитывая на пальцах. Алевтина устроила скандал и Динке – в виде бабьей драки с тасканием за волосы. После битвы, закончившейся боевой ничьей, тетки остыли и, неожиданно, помирились. Рожденного пацана обратно не засунешь, чего ж теперь ссориться! Посидели за чаем, поговорили душевно, придя к трём выводам. Первый: все мужики – козлы! Второй: выйти на улицу положительно не в чем. Третий: дети всякие нужны, дети всякие важны!

Сейчас друзья сидели и вспоминали эту и другие истории из их службы. Судьба и приказ начальства забросили их на два с половиной года в одну неназываемую африканскую страну, где Советский Союз имел особый интерес, вывозя втихаря необработанные алмазы, слоновую кость, самородное золото. В стране шла затяжная гражданская война, и СССР был негласно на стороне повстанцев, поддерживая их оружием и припасами. Повстанцы и обеспечивали вышеупомянутые сокровища, по-видимому, просто грабя правительственные склады и караваны. Иногда они доставляли груз на базу сами, но чаще приходилось выезжать или вылетать на вертушке в указанное место, так как у партизан своего транспорта не было. В этом, собственно, и состояла служба: сопровождение спецгрузов.

База была в зоне контролируемой повстанцами, но забирать груз приходилось откуда попало, частенько из мест, куда вертолету сунуться было опасно, а джип просто не мог проехать. Тогда приходилось переть груз на себе, по дороге отбиваясь как от армии, так и всяких бандитов, причем отличить одних от других было большой проблемой. В этих командировках бойцы носили камуфляж без знаков различия. В плен сдаваться не рекомендовалось, ибо официально их не существовало, и консул обязан был делать большие глаза и отнекиваться, буде ему предъявили бы претензии по поводу пойманных русских парней.

Однажды Веня, Лёня и ещё трое бойцов под командой лейтенанта Громова, вместе с тройкой местных доставляли груз в тридцать кэгэ алмазов из тайника на болоте к вертолету, спрятанному в трех днях пути. В первый же день нарвались на засаду, но отбились, положив пятнадцать черных и потеряв одного своего. На другой день потеряли ещё одного – гад сбежал к бурам, благо граница была недалеко. Выбрал свободу, так его растак! Идти стало труднее: могучий Лёнька пер на себе и груз, и ручной американский пулемет М60, Петька Ляхов – рацию. Только у Вени оставалась свобода маневра, и он с тремя местными шел впереди, раз-

ведчиком. Когда до вертолета оставалось часа три ходьбы, они уперлись в армейский отряд, силой до полусотни стволов. Слева, вдоль реки, была полоса минных полей шириной в сотню метров, щедро раскинутых бурами на десяток км. Справа – отвесные скалы, на которые и днем-то не заберешься, не то, что ночью. Прямо – вражеский отряд, судя по виду – ветераны. Тоже не сунешься. На единственной тропе встали лагерем, судя по всему – надолго. Что делать? Назад повернуть невозможно – был риск нарваться на банду, потерявшую их след. Громов решил выжидать. Под палящим солнцем, закопавшись в землю, выжидали двое суток, надеясь, что армейцы уйдут. Не ушли! Мучила жажда и мухи. Партизаны слиняли на рассвете, отдав, правда, остатки воды. К ночи стало совсем худо: воды ни капли, языки, сухие как терки, ворочались во рту, в головах мутилось. Душила вонь собственных экскрементов, потому что прикопать их не было возможности.

И тогда лейтенант Громов принял решение:

– Слушайте мой приказ, бойцы! Идём через минное поле, а затем сплавляемся по реке три км. Вертушка спрятана вблизи берега, среди скал, не спутаете. Нормальные герои всегда идут в обход! Останемся здесь – погибнем, а так, может, и прорвёмся. Груз доставить любой ценой надо. Если последний, кто в живых останется, не сдюжит, то груз утопить!

Веня, как самый легкий, пополз впереди, при свете одних только звёзд, нащупывая по сантиметру дорогу, пробуя почву штыком и пошевеливая впереди себя, как таракан усами, тоненьким прутиком, на предмет растяжек. Больно кололись камешки и сучья, сухая африканская трава резала бритвой камуфляж и лицо. Найдя мину, втыкал рядом колышек, и огибал её, двигаясь дальше. Вела его интуиция, резко обострившаяся от страха и желания жить. За два часа одолели треть пути. Запах близкой реки сводил с ума. Пить хотелось, как из ружья! Уловив систему в распределении мин, пополз быстрее. Ещё два часа... Нос к носу столкнулся с огромной, кило на два, жабой. Медленно и сексуально она облизнула языком губы и подморгнула правым глазом, как бы приглашая поцеловать и намекая, что превратится в царевну. С омерзением метнул её в реку... До берега всего метров пятнадцать. Взрыв! Петька, дурило, задел-таки... а ведь, замыкающим полз!

Армейцы переполошились и, галдя, двинули посмотреть, расположились на границе минного поля и стали поливать свинцом наугад. Веня, не отвлекаясь, продолжал ползти. Кожей почувствовав впереди проход, плюнул на осторожность и пробежал на четвереньках аж с десяток метров. Фролов и лейтенант, стиснув зубы, пыхтя ползли за ним. И тут армейцы пустили осветительную ракету! Бли-ин! Откуда она у них? Покачиваясь на парашютике, зараза медленно опускалась, освещая метров пятьдесят вокруг. В её мертвенно-белом свете ребята были видны, как мухи на блюдечке с мёдом. Множество стволов сосредоточилось на них, пули с тупым стуком врезались в землю. Стрелки африканцы неважные, но при такой плотности огня когда-нибудь, да попадут? Лёнька развернулся и ответил из пулемета, не жалея патронов. Снял одного, аж мозги брызнули, зацепил другого, рослого, по виду – командира. Вразумил маленько гадов! Залегли и притихли. Но! Зажглась новая ракета! Веня тронул за плечо Громова:

– Товарищ лейтенант, ползите метр на тот кустик, затем вправо, где валунчик. Там чисто! Пусть Лёнька с Вами. Я прикрою.

Забрав пулемет, выцелил группу в пять человек, сдуру кучно лежащих у какой-то коряги. С такой дистанции – меньше ста метров, превратил их в фарш одной длинной очередью. Безумие боя жаром разлилось в мозг, понуждая стрелять, стрелять. Срезал ещё двоих, налаживавших миномет. Одного наповал, другого гада в пузо. Огонь на время поутих, стало слышно, как вопит на нестерпимо высокой ноте раненный в брюхо. Хорошо, пусть орет, другие поостынут! Быстро оглянулся через плечо: Лёньчик, с контейнером за плечами, уже прошел и скрылся за кромкой берега. Теперь он помогал, сажал из Калаша. Во, попал, молодец! Руку у черного прямо оторвало на глазах! Веня стал потихоньку отползать по-рачьи. Взрыв! В задницу туго

ударило взрывной волной, чем-то острым рассекло левое ухо. На миг помутилось сознание. Лейтенант! Зацепил последнюю на пути мину, но жив, стонет. Поведя напоследок стволом широко, поливая свинцом, как из пожарного шланга, Веня швырнул пулемет на землю и бросился к Громову. Тот лежал в метре от берега. Левое бедро было разворочено и видно было кость. Но кость была цела! Рывком сдернул его вниз, в илистую воду, в грязь. Сам погрузился по пояс. Жадно напился прямо из реки. Прошли! Запоздало жажнули минометы. С воем над головой пронеслось что-то, рвануло безопасно, в реке.

Оторвал рукав, скомкал, затампонировал рану. Оказалось, из бедра был вырван здоровый клочок: самым краешком зацепил взрыв! Достал индпакет, зубами сорвал обертку. Стал бинтовать. Лёнька все отстреливался, возбужденно крича что-то яростное, вроде – матерился, но слов было не разобрать. Громов открыл глаза и, неожиданно звучным голосом, приказал:

– Бросьте меня и уходите с грузом! Со мной не выплыть, крокодилы кровь почуют, порвут всех!

Веня, не отвечая, закончил бинтовать и всадил лейтенанту сразу два шприц-тюбика промедола из аптечки. Он знал, что раненый прав, и надо бы бросить. Но цель уже так близка! Подтянулся Лёнька:

– Тут коряга, здоровый ствол! С комфортом поплывем, слышь, Веня!

– Вот видите, товарищ лейтенант! А ну-ка!

Вдвоем они погрузили Громова на ствол неизвестного им дерева, оттолкнулись и поплыли. Небо на востоке посветлело: скоро рассвет.

И груз, и Громова они дотащили до вертолета благополучно. Крокодилы не встретились – видимо, их распугала стрельба.

Все это было год назад.

Громов выжил, даже сохранил ногу, хотя, по слухам, сильно хромает. Его представили к Звезде Героя. Веню наградили орденом Красной Звезды, а Лёню – медалью «За Отвагу». Награды вручали, как ты уже понял, Читатель, в Ташкенте, перед самой отправкой домой.

– А что, Лёньчик, к Громову в Москве зайдём? Он в письме приглашал!

– Зайдём обязательно! У меня для него и подарок есть!

– Какой?

– Да крокодильчик сушеный! Лаком покрыть, на подставочку – вот такой сувенир!

– Хо-хо! Остроумно! А я – Капитана Флинта, попку нашего!

Ребята вывезли из Африки четырех попугаев контрабандой, напоив их до бесчувствия тростниковой поганой водкой «Качасой», чтоб не засекли на границе. Не таможня, нет, ибо летели они армейским спецрейсом. Свои, армейские проверяющие. Теперь птицы были совсем ручные, брали корм из рук, катались у Вени и Лёни на плече и любили поддать с дембелями. Им наливали в блюдечко, и они слетались на водкопой, ссорясь, как обычные голуби. Потом, сделавшись пьяными, хулиганили: дрались, ругались и засыпали где попало в причудливых позах.

– А, думаешь, ничего? Они ж ругаются по-черному, а у Громова мама – доцент!

– Не, Капитан Флинт нормально. Он больше любит команды отдавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.